

андрей чернов

**ЧЕЛОВЕК
ИМПЕРИИ**

Andreas Kefauver

андрей чернов

ЧЕЛОВЕК ИМПЕРИИ

стихи и проза в стихах

Санкт-Петербург
ВИТА НОВА
2017

УДК 882.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-49

На обложке: фрагмент вулканической лавы
из окрестностей Тамани. Находка Дарьи Черновой

Чернов А. Ю.

Ч-49 Человек империи: Стихи и проза в стихах. — СПб.:
Вита Нова, 2017. — 224 с.

ISBN 978-5-93898-620-6

В новую книгу петербургского поэта Андрея Чернова
вошли стихи, написанные (за немногими исключениями)
в последние три года.

УДК 882.1
ББК84(2Рос=Рус)6

I

* * *

– Мама, мама, отчего,
отчего всё так бывает:
много-много своего,
а чужого не хватает? –
Посреди иной страны
в постблокадном Ленинграде
ты в тот день пекла блины,
Ксения Павловна – оладьи.
Ползёт муха по стене.
Зябко. Приоткрыта рама.
Что ответила ты мне,
мама? Ты не помнишь, мама?

* * *

Гроздьями чёрной февральской рябины,
Снегом, уплывшим в гнилой водосток,
Через беспамятство Мнемозины
Выйдет и этому времени срок.

Герда произнесёт: «крибле-крабле...»
Бумс! – и обрушится та стена.
Не наступая на русские грабли,
Кай хохотнёт: «С Наступающим на!..»

Запомянай современников лица,
Что б ни случилось с твоею страной,
Запомянай же, покуда он длится
Век этот жалкий, безбожный, больной.

5 марта 2017

* * *

Ильдару Дадину

Там, где лошадьё движет телега,
А правительством правит денщик,
Где куском арестантского хлеба
Насыщаются невпротык,
Поутру проступает во мраке,
Полновластьём своим утомлён,
Хвост, виляющий трупом собаки, –
Бренд России последних времён.

23 февраля 2017

* * *

О тех, кто отпевал Четвёртый Рим,
Из нашего безвременья вздохни-ка:
Высоцкий, Окуджава, Галич, Ким.
Новелла, Городницкий, Вероника...

Поверх себя – с печалью пополам –
Обыденных проблем не упрощали,
Но возвращали смысл простым словам,
Надежду на спасенье возвращали.

15 февраля 2017

БРОДВЕЙ «АВДЕЕВКА»

Нормальные ребята,
Кто с Потьмы, кто с Арбата,
Сидели б на трубе,
Ан, нет!.. И после дембеля,
Нашли себе фельдфебеля
В районном ФСБ.

А те ещё в детсадике
Намылились в десантники,
В зенитчики пошли.
Пацанская порука –
Портрет на фоне БУКа,
Привет с чужой земли.

А те – не за печенье –
Вписались в ополченье:
Спасибо, интернет!
Дорожка в цинк науглена,
А что душа погублена –
Не им держать ответ.

2 февраля 2017

ИЗ ШЕКСПИРА. ДВА СОНЕТА

66

Призвал бы избавительницу-смерть:
На что мне миражи земной юдоли
И нищие, которым умереть
В объятиях неправды и неволи,

И по дешёвке скупленная честь,
И девство, что растлили для продажи,
И правдою приправленная лесть,
И сила у бессилия на страже,

Косноязычие недомастерства
Под пристальным приглядом идиота,
И простота, что хуже воровства,
И дух тюрьмы, забавный для кого-то...

Призвал бы смерть, допив бокал до дна,
Но как ты с этим справишься одна?

145

Уста, что тронуты рукой любви,
Воспоминаний взбаламутив жижу,
Ужасный приговор произнесли,
Кнутом перепоясав: «Ненавижу!»

Промолвила – и тут же осеклась.
У женщины границы гнева зыбки,
И прежней нежности былая вязь
Вновь засветилась в уголке улыбки.

Исчадье долгоночи догорит
И канет, затухая, в омут ада.
«Ну, ненавижу...» Виноватый вид...
В ресницах на саму себя досада...

И жизнь мою продлят на некий срок
Слова: «...да не тебя, мой дурачок!»

МАЙ 2015

Ни тебе погоды, ни экзотики.
Лишь на Невском сразу с трёх сторон
С корнем выкорчёвывает зонтики
Старенький романтик Аквилон.

Мне бы хоть лоскут ультрамарина
В полынью оконного стекла.
В том году не зацвела рябина.
А в апреле мама умерла.

13 сентября 2016 – 20 февраля 2017

КАК В 83-м

Здесь, в краю замёрзших рек,
Долго и обильно
Падал прошлогодний снег
Имени мультфильма.

Падал вверх, толкался вбок
Над родною зоной
Пластилиновый снежок,
Даром, что ядрёный.

Запасайся парой крыл.
Птичьим клювом щёлкай.
Гриша Горин научил:
– Зима будет долгой.

9 ноября 2016

CASUS BELLI

Император играет на скрипке.

Государство уходит из рук.

Александр Городницкий

В Ропше жёсткая вода.
На зубах железа привкус.
Жиденькой шпажонки выплеск
ниоткуда – в никуда.

Рано скрипочки отпели
в императорском саду.
Зря в садках кипят форели
в агропромовском пруду.

Не укроет верный Миних,
не спасёт тенистый сад
две империи назад
в северных твоих пустынях,

здесь, где сумрак многолицый
на закате входит в раж,
где ворюга с кровопийцей
суть единый персонаж.

Говорок измены боек,
и окрестные ветра
тенью Третьего Петра
пулковский пугают боинг.

17–19 июля 2015

В АЛЬБОМ НИНЕ ПОПОВОЙ

Smutno mi, Boże! Dla mnie na zachodzie...

Юлиуш Словацкий

А едва лишь приоткрылся ларчик,
за ближайший глянули бугор:
там, у них, и Михник, и Демарчик.
Вайда и Валенса. И «КОС-КОР».
Снадобье варшавского напева
врачевать способно натошак.
Как пьянят чужие гроздьа гнева!
Ну а сам-то как? Да так. Никак.
Трубка телефонная слепая.
Братово лицо белее мела.
В полночь он звонил из Лиепаи:
«Мы на Польшу. Родина велела».
Пусть и не при всём честном народе,
как про это Ревич перевёл,
горько мне, о Боже, на заходе
биться ночью головой о стол.
Подхватив остатную песёнку,
бодренький нашёптывать мотив.
И опять, повинным лбом о стенку,
голову руками обхватив.

11 августа – 5 сентября 2015

ЛВ. КОС-КОР – Комитет защиты рабочих (Komitet Obrony Robotników, KOR), польская правозащитная организация (1976–1981).

* * *

Младшей моей дочери было три,
когда неожиданно для себя самого
я спросил:

– Даша, а где ты была, когда тебя не было?

– В саду, – машинально ответила игравшая с куклою дочь.

И тут же поджала губы,
словно кто ударил по ним.

И смотрела с укором.

Мол, ты же знал, что про это нельзя спрашивать.

2 июля 2015

* * *

*Татьяне и Милене
Рождественским*

Где над расползавшейся империей
взад-вперёд ходили облака,
где и при Никите пахло Берией,
где пушинка-жизнь была легка,
как-то выживали и при Сталине,
да не просто выживали – жили:
на прогалине и на проталине
родине и Господу служили.
А теперь как в поле одуванчики
разлетелись, – и земля им пухом! –
папы-мамы, девочки и мальчики
поколения Ни-Сном-Ни-Духом.

20 июня 2015

МАМА, УХОДЯ

Кто-то невидимый дал отмашку.
Заворковала пернатая стая,
и ты отстранила чашку:
– Какая вода сухая!

27 апреля 2015

ЛЕСТВИЦА ДОЖДЯ **(голосом мамы)**

Эта текучая лестница, спущенная с небес,
только её ступеньки не поперёк, а вдоль,
как струны виолончели.

Это такие качели,
на которых забываешь про земную юдоль,
взлетаешь и падаешь
тяжелей апрельской капли.

Хорошая примета уходить в дождь.

Особенно в ночь.

Доброго тебе лета!

27 апреля 2015

СИДЕЛКА

*Самый старый долг плачу –
С ложки мать кормлю в больнице...*

Борис Слуцкий

Преодолевая ужас, неведомый библейскому Хаму,
обмываю врата, из которых вышел
шестьдесят два года назад.
Перепелёнываю маму. Плачу над мамою.
Осваиваю роль медсестры и сиделки,
существ сугубо женского рода.
Мама – большая. Это я мелкий.
Вновь в конце тоннеля – только свет и свобода.
Она уже не здесь. Но ещё не там.
В больницу не сдам.
А потому и программа изо дня нá день
проста, как мычание:
капельница, подгузники, постирушки.
А по ночам – «Молитвослов»
и чайная ложка отчаянья.

26 апреля 2015

К ВОПРОСУ О ЩИТЕ ВЕЩЕГО ОЛЕГА

Историку Игорю Данилевскому

На своём 95-летьи, уже в нынешнем тысячелетии, Татьяна Аркадьевна Борнштейн, в девичестве Мельницкая, дворянка, петербуржанка, театральный художник, стрельнув беломорину, почему-то вспомнила, как на втором году Первой Империалистической старшая сестра водила её в зоосад.

На боковой дорожке у клетки с попугаем толпились зеваки. Но зеваки – это всегда интересно. Хозяин попугая, грек или цыган, девочек заприметил и тут же зацыкал: «Американский какаду! Сёрит только раз в году! И притом на ходу! ...прапусците барышень пацматреть!»

Толпа расступилась. Попугай отвернулся. И гимназистка Лиля, сестра пятилетней Таты, отдала цыгану бумажки из расшитого бисером кошелёчка.

Обратно шли пешком. Конка стоила денег.

Это я к тому, что шаг предания долог, а от щита Скъёльдунга Олега до Киевского Крещения (кстати, скъёльд по-норвежски «щит») лишь один оборот кометы Галлея – 77 лет.

26 апреля 2015

КРАСНОЕ И БЕЛОЕ

Александр Аркадьевич Лабас,
гений из питомцев ВХУТЕМАСа,
рисовал мечту народных масс,
чтоб однажды просветилась масса.

Колонковым исступленьем славен,
за спиной барыг-большевиков
малевал, как научил Малявин.
И Малевич. А ещё Машков.

Сказочным казался горний мир
дирижаблей и аэростатов,
авиёток подмосковный пир
на скатёрке Тушинских парадов.

Наплевать, что голы и разуты,
что позаросли крапивой рты.
Опоязовцы, обэриуты
тоже против времени круты.

Грезил счастьем русский авангард,
поколение цветodelенья, –
расщепив обыденное зренье,
в темноту, как в омут, – наугад.

19 марта 2015

ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ

Зачатые под Джо Дассена
и вскормленные под Мирей Матьё –
чуть подождали и сошли со сцены,
споткнувшись в букваре о букву «ё».

Имперского полураспада морок,
отцов случайных плюшевый задор:
сегодня тридцать, послезавтра – сорок.
Но в сорок поздновато за бугор.

На данном историческом этапе
не задалось – ну вот и вышли вон
улыбчивые хипстеры да яппи,
амбициозный офисный планктон.

Да и не всё ль равно, какие песни
трубит глобализации устав:
кто выбрал пепси, кто – кипú да пейсы,
без боя быдлу поле боя сдав.

Не вертопрахи и не пустоцветы,
пока в бетон закатана земля,
не для себя, детей и внуков для
перепорхнули через полпланеты
впрок опылять окрестные поля.

Их не объехать на кривой козе.
А ежели саднит какая рана,
как панацея — мантра меломана:
О, шанс зализе!..

18 февраля – 30 июля 2015

ПАРИЖСКАЯ ЭЛЕГИЯ

*Я по рю-де-Рю марше, же пердю перчатку.
Я её шерше-шерше, плюнул — и опять марше.*

Детский макаронический стишок. Начало XX века

1

В табачной лавочке на рю-де-Руль, с друзьями —
Сашей Марголисом и Колей Беляком —
заспорили о чём-то. Вдруг за нами
чуть приглушённое проносом: — О!
гечь гусская! — Чернявая толстуха,
зашедшая за леденцами внука,
похоже, захотела поболтать.

Но почему-то побледнел Марголис.
Нам бросив: «Вы уж тут давайте сами!» —
увлёл толстуху к выходу. Мы с Колей
приобрели «Житан» и тоже вышли.

У лавочки, но только чуть поодаль,
старик высокий (в щегольском костюме,
но в тапочках домашних и с авоськой)
беседовал с мадам и нашим другом.

И я сказал: «Послушай, друг мой Колька,
по-моему, вон тот — великий князь...»
«Вот выдумаешь!.. Ну какой же это
великий... — Колин театральный бас
спикировал в суфлёрский шёпот — ...князь!» —

В пяти шагах журчавшая беседа,
над мостовой подпрыгнув, пресеклась.

«Позвольте вам друзей моих представить!» –
не растерялся Александр Давидыч,
директор фонда «Сэйв Санкт-Петербург»
(Собчак его представил здесь, в Париже,
чете великокняжеской). А я...
я позвоночником почуял, как
дворянский ли, холопский ген сгибает
демократический мой позвоночник.

– Когда вы возвращаетесь в Россию?..
Марголис доложил: – Я – прямо завтра.
– А можно попросить вас передать
на родину коробочку лекарств,
а также одноразовые шприцы
для детской государственной больницы?

2

Когда вернулся в Фонтене-о-Роз
и рассказал Синявским о знакомстве,
ну и о том, что зван на той неделе
к Владимиру и Леониде в гости,
Марья Васильевна не утерпела:
– Чернов, я буду паинькой, возьмите!..
Договоритесь о моём визите. –

И что? В грязь не ударила лицом.
Не опозорилась. Не надерзила.
Ещё и интервью взяла. Потом
Расшифровать, конечно, позабыла.

Начало лета 91-го.
Дышала гласность прошлых бед оглаской.
Сто семь причин для разговора нервного.
На горизонте сполохи гражданской.

Учился говорить «Ваше Высочество!»
(но упустил эпитет «императорское»)
Порой переходил на имя-отчество,
внося в беседу неформально-авторское.

Спросил, не хочет ли он навестить Россию?
– Да, если Ельцин пригласит в Россию.
– А ежели Собчак, но в Ленинград?..
Задумался: – Что ж, был бы только рад.

Рукой подать от Промысла до Вымысла.
Вот взять и возвратиться – Божье Диво! –
тому, которого мать в чреве вынесла
едва ль не по льду Финского залива.

Вернувшись, рассказал про это мэру.
Однако тот лишь замахал руками:
– Ну да, его, а также бабу Леру
(ну, Новодворскую). Не подводи под меру.
Мы как-нибудь управимся и сами...

Но грянул путч. Победа. Пипл в экстазе.
И этот разговор возник опять:
– Что говорил ты о великом князе?..
Успеет на ноябрьские позвать?..

– Успеете. Но это – без меня.

Успеется. Забудется. Останется.
Всё сбудется от Божеских щедрот.
Он лёг в великокняжьей усыпальнице
в апреле месяце на следующий год.

10 февраля 2015

МВ. Я предложил записать книжку его воспоминаний. Он предложение принял. Но скоро стало ясно, что практически это неосуществимо. В следующий приезд я попал в дом к приятельнице моей юности поэтессе Галине Погожевой. И по телефону познакомил её с великим князем, сказав, что монархистка Галка книжку его запишет адекватней. Что она и сделала за полгода. Продиктовав последнюю главу, Владимир Кириллович уехал с визитом в США и там умер.

Краткую записку о его обеспокоенности русскими тенденциями «по линии так называемого Ура-монархизма» я опубликовал в журнале «Русская виза» (№ 1, 1992).

В наших беседах выяснилось, что глава Русского императорского дома ничего не слышал, к примеру, о петербургских событиях 9 января 1905 г. Но я так и не исполнил его просьбы написать тезисно (на полторы-две странички), «в каких именно грехах династия Романовых должна покаяться перед Россией». Он тактично не напоминал.

БАБЬЕ ЛЕТО-99

Те, что её не очень-то любили,
теперь стояли в очереди длинной,
прощальной. С Гоголевского бульвара
гирлянда загибалась на Воздвиженку.
Хвост – где-то за Цветаевским музеем.
В Москве безумствовало бабье лето.
А люди шли. Букетики несли.

В 49-м был Семипалатинск,
потом Чернобыль. Ну ещё Форос.
Но в том, что лейкемия жёлтым пеплом
её накрыла, были виноваты
все, кто пришёл. И все, кто не пришёл.
Всё – даже медная иконка Зна́менья,
подаренная за три года до
её болезни, – не спасла, не выручила.

Уже на выходе меня догонит
знакомая девчонка-секретарша
и упреknёт: «Чего ж не подошли?»
Тогда-то и увидел старика,
сидевшего за гробом. «Да, конечно».
Вернулся. Он привстал. Повис на мне:
– Андрей, да что ж это
за правила такие?.. –
Он ждал ответа. Чтó я мог ответить?

10 февраля 2015

МИНИМАЛИЗМ ПО-РУССКИ

For sale, baby shoes, never worn.

Отгоняя большую-пребольшую беду,
киевлянин Валерий Корнеев
напомнил о новелле Хемингуэя,
написанной шестью словами.
По-русски влезло в четыре:

«Продам
ботиночки
детские, неношенные».

В моём детстве что-то подобное
пели водосточные трубы,
только вместо «Продам» –
писали «Отдам».
И – никакой трагедии.

Но в Питере,
в сорок-начальном,
слов было бы и вправду шесть:
«Меняю на хлеб...»
Далее по тексту.

9 февраля 2015

ПАЛАТИН, ПЕРВЫЙ ИЗ РИМСКИХ ХОЛМОВ

Недолог мир, а Рим голоден.

Палиндром Ильи Фоянкова

Оно всегда порвётся там, где тонко.
Но правду будут помнить лишь руины.
Есть в Лации деревня Альба Лонга,
соперница деревни Палатины.

Кому вершить – решать на поединке.
На козьей пажити, как на арене,
сошлись, по-деревенски, по-старинке,
три – против трёх из той, другой деревни.

Там – Куриации, а тут – Горации.
Но у Горациев ещё сестра,
подобная богине римской Грации, –
лицом прекрасна, языком остра.

Заранее шепни – она бы спятила.
Кровавый поединок – не для граций.
...В тот день на Козьем поле пали пятеро.
В живых остался римлянин Гораций.

Один собрал трофеи с поля брани.
Что ж, триумфальный хлеб слезами солится.
Как повествует древнее преданье,
народ встречал героя у околицы.

Впервые, почитай, что от начала,
Фортуна Рима жирной медью рыкала.
...Но дева плащ разрубленный узнала.
Она его своей рукою выткала

для младшего из трёх альбанских братьев,
для Куриация, для жениха...
Не удостоен сестринских объятий,
тут и услышал (речь была тиха,

не громче грома, так, бесплотный дым):
«Да будь ты проклят, Победитель Рим!»

Хотя легенда – не литература
и не история – само собой
убить за то, что зарыдала дура
по жениху, убитому тобой.

Покуда пыль на лаврах не осела,
покуда жажда славы утолима, –
проткнуть кошунницу, ту, что посмела
не трепетать перед величием Рима.

Чтоб складка хроноса не пролегла нескладно
всеримского всевластия в преддверии –
убить сестру, чтоб было неповадно
другим оплакивать врагов империи.

...Поэтому-то римляне – не греки.
И мы напрасно подражаем им.
Ботán, очкарик из библиотеки,
про что ты думал, совестью палим?
Про Украину. Про войну. Про Крым.
Спит на семи холмах Четвёртый Рим.

8 февраля 2015

* * *

Что за причуда холопья
всё подсмотреть на бегу?
Редкие снежные хлопья
гаснут в февральском снегу.

Две с половиной секунды
(зря так торопитесь. Зря.)
для обозренья доступны
в бледном пятне фонаря.

Неженка, прима, пружинка,
хрупкая эта вода,
как твоё имя, снежинка?
Эй, да куда ж ты?.. Куда?

Полноте. Чуда не будет
ни на Днестре, ни на Ильмене.
Тот, кто увидел, – забудет
и не окликнет по имени.

А ведь казалась нетленной,
всеми цветами играла.
И ни одна во вселенной
другую не повторяла.

8 февраля 2015

ИПАТЬЕВСКАЯ ПОВЕСТЬ

1

Бабушка, которую не знал,
в 14-м была сестрой милосердия.
Дед увидел её в коридоре госпиталя.
Госпиталь не понравился.
Понравилась бабушка.
Дед был после раненья.
Ну и решил остаться –
до выздоровленья.

Быстро пошёл на поправку,
а как выписать были должны,
поинтересовался у бабушки,
не могла бы она вместе с ним на войну поехать?
– В качестве кого же? – приснула девушка.
– Разумеется, в качестве жены.

2

Бабушка, дочь дворника, воспитанная в семье купца
и вышедшая замуж за курного дворянина,
в детстве дважды тонула в маленькой нашей Оредежи.
Была она так красива, что река её пощадила.

Отец сохранил фотографию – вырезку из газеты.
«1915-й. Живая карта Европы
силами госпитальных сестёр милосердия».
Бабушка в центре коллективного портрета.
Она в жемчужном кокошнике олицетворяет Сербию.

Двух детей схоронили. Средний выжил.
Мотались по стране – осели в Свердловске,
откуда ещё в 21-м наострил в столицу лыжи
расстрельщик царской семьи большевик Яков Юровский.

Жили на Вознесенском проспекте,
рядом с домом инженера Ипатьева.
То, что там помещалось,
Музеем Революции именовалось.
25 копеек по общей смете.
Красноармейцам и старым большевикам –
ноль-ноль копеек.

Преодолели сомненья и страхи.
Решили, что всё-таки надо увидеть тот подвал.
Экскурсию вёл человек в детской папаче.
В начале тридцатых его весь город знал.

Простреленные половицы, выпиленные на сувениры
колчаковцами, зияли провалами.
(«Хорошо, что не видит сын!»)
Папача была мала. «А я сделал ей растопыры!»
То есть вспорол каракуль – и вставил красный клин.

Стайка красных курсантов внимала прилежно.
Говорил нескладно. Но в себе был уверен.
Углублялся в историю: «Мсть была неизбежна!»
Бубнил про Уралсовет, Юровского и царевен.

И вдруг оживился, заканчивая повесть:
«...Отказывались спускаться: известная робость девичья.
Выстрелил Лёшке в лоб – черепушка-то и раскололась.
Вот он – трофей с головы Алексея-царевича!»

Бабушка Анастасия не сорвалась на крик.
Коротко и внятно произнесла:
– Мясник. –

И уже в блокаду про выпиленные доски
рассказала отцу подробно и честно.
Умерла в эвакуации в Петрозаводске.
Могила её неизвестна.

7–8 февраля 2015

МВ. Доски в подвале Ипатьевского дома были выпилены в 1919-м следователем И. А. Сергеевым не на сувениры, а для экспертизы: определяли характер пулевых отверстий и наличие крови.

Бабушка не вернулась из эвакуации и умерла в конце войны в Петрозаводске (уже после его освобождения в 1944-м).

ДРУЗЬЯ МОЕГО ОТЦА

поминальник

*Моряки молодые о море,
о покинутом море поют...*

Владимир Ефименко

Ранен был у Калача-на-Дону,
замыкая окружение Шестой армии Паулюса.
Раненый, принял роту, когда рядом убило ротного.
Поднял роту в атаку и с задачей справился.

Это я прочитал в наградном листе.
Только отец про то ничего не рассказывал.

Капитан Василий Букоткин, с тринадцатью осколками в теле
трое суток командовавший батареей в укрепрайоне на Эзеле,
был моим другом в конце пятидесятых.
Ни немцы, ни особисты его так и не срезали.

Мой отец – где вы такое видали? –
добился его реабилитации и вернул медали.

А другие его ребята – к примеру, Андрей Ярчук,
после трёхдневного боя под Курском
за столом закемарил в хате,
а граната в кармане шинели рванула некстати,
когда шальная пуля сквозь окно попала в запал.
После его за неделю собрали в санбате
бабы – врачихи с медсёстрами. (Поэтому я его знал.)

И другой, курсовой поэт Владимир Ефименко,
вот он на фотографии тут.
Он напишет песню морской пехоты
и погибнет вскоре.

Это пели на всех фронтах: «Боевые огнистые зори
над широкою Волгой встают...»

А самый заметный на курсе –
старшина второй статьи Ахромеев.
После второго инсульта отец ему написал,
мол, сына верни из Владика, я уже умираю.
И тот не ответил, но сделал всё, как знал.
И лет восемь мы с братом
жили практически рядом.

Маршал Ахромеев (прозвище Благодетель)
повесился в Кремле сразу после путча.
Так, во всяком случае, утверждает официальная версия.
Отец говорил, что Серёжа заслуживал лучшего.

7 февраля 2015

БАЛЛАДА О ХРУСТАЛЬНЫХ ПОДВЕСКАХ

Сыну Сашке

Приснится сон – бессонницы бессоннее:
позвякивая, заявили на́ дом
хрустальные подвески филармонии,
те, что отца спасли под Сталинградом.

...Прозрачнее, чем пятистопный стих,
в прожекторе луны морозный воздух.
А двое взводных спорили о звёздах.
Да так вот и отстали от своих.

Неделю как на курсах отучились
и каждый принял свой стрелковый взвод.
И вот в степи бесснежной заблудились.
И напоролись на немецкий дзот.

Когда услышал очередь – упал.
(Как научили: лёг, чтоб не попали.)
А этот двоечник, он побежал.
И убежал. И пули не догнали.

А ты лежи, пока твоя душа
не сбросит бремя зябнущего тела.
Лежи, как отказавший ППШ.
Мороз ударил – смазка загустела.

А зимнюю не подвезли. Боёк-
сомнамбула с утра целует капсуль
взасос. И засыпает, как сурок.
И – пули в диске *не опасней капель*.

В кармане РГД. Запал – в бумаге.
Бумага тоже от щедрот промаслена.
Не выручат ни горки, ни овраги.
Степь Сальская плоска, как лист бумаги,
как всуе возведённая напраслина.

Не шевельнуться. Уличит из мрака
Луна, что светит празднично и святочно.
И «Ворошиловского килограмма»
на эту амбразуру недостаточно.

Стал замерзать – услышал звук мотора.
Возможно, шанс последний для атаки...
Ну да, ведь ротный говорил, что скоро
тут могут выдвинуться наши танки.

Танк проурчал – и замер, амбразуру
не перекрыв. А ты к земле приник,
метнуться под броню задумав сдуру.
Но что-то удержало в этот миг.

Такой пустяк – алмазный всплеск подвески
стальным лучом от гарды Д'Артаньяна.
А дальше было всё довольно странно:
танкист откинул люк, и – по-немецки...

Подумал: хорошо, на мне тельняшка.
Дожил до девятнадцати годков.
И хватит. Флотским на войне поблажка:
фашисты в плен не брали моряков.

Я опущу дальнейшие детали.
Как немец вокруг тела обошёл.
Как передёрнул лязгнувший затвор.
Как выяснилось, что не мародёр.
Побрезговал – твой труп не обыскали.

Стал отключаться. Сумрак онемелый
сковал сознание в сладостной истоме.
Сосульки на траве заледенелой
напомнили о музыке, о доме.

Привиделось: сидят отец и мать,
вернувшиеся только что с концерта,
но только попытался рассказать,
как мать спросила: ну а что в конце-то?

Как – что? Тут наши танки подошли.
И фрицев мы отбросили к утру!..
...И стыд обжёг, как чей-то выкрик «пли!»:
Зачем же я отцу и маме вру?

Очнулся. Танка не было. Вскочил.
Пускай стреляют. Тишина в ответ.
Взяв пулемётчика, танк укатил,
и хрусталём зарос неровный след.

Звезда упала в предрассветный дым.
Бессмысленна, как выстрел в молоко.
...И вышел через полчаса к своим.
На этот раз сравнительно легко.

6 февраля 2015
День блаженной Ксении Петербургской
и день рождения отца

МВ. ППШ — пистолет-пулемёт Шпагина (автомат с круглым диском). РГД-33 — ручная противопехотная граната Дьяконова. «Ворошиловский килограмм» — противотанковая граната с зарядом в 1000 граммов.

А учили их так: «Пулемёт — лежи. Миномёт — беги».

ОПАСНЫЕ ВОПРОСЫ

Кате, старшей моей дочке

А когда в 30-х завязывались тары-бары, разумеется, обиняком, между теми, кто понимает, дед пресекал разговоры таким макаром – спрашивал: «Вас только это удивляет?»

Подпоручик, подраненный ещё на Германской, в 19-м мобилизованный новым российским правительством, гордился тем, что в братоубийственной, гражданской не участвовал. Однако при попустительстве фортуны – дрался в Туркестане с небратьями-басмачами. Комиссар-матросик косился. Но не уличил во вредительстве.

Врал в анкетах о происхождении. Служил интендантом в Чите. Не воровал. Уволился по закону. Вернулся в Питер. Налаживал, когда подошли к черте, на оборонном заводе гражданскую оборону.

Как человек империи он многое понимал. Исчезали знакомые то по одному, то по трое. И всё чаще по утрам повторял: «Идём ко дну. Настроение бодрое».

А в декабре 41-го сынок, свет его очей, первокурсник, услышавший о выселении немцев Поволжья, на весь кубрик спросил: «Да как же можно, – изгонять народ из-за нескольких сволочей?..»

За такие вопросы отправляли отнюдь не в штрафбат. Но отцы-командиры проявили заботу: в ту же ночь – переводом в другую роту – а наутро – на лыжах по Ладого – и в Сталинград.

«Юру все любили. И в беде не покинули.
Если правду сказать, так выручили б не всякого».
...Это мне рассказали друзья его – после Ваганькова,
когда вторую до дна опрокинули.

5 февраля 2015

РАРИТЕТЫ ЕРМОЛИНСКОГО

Сергею Мироненко

С Эйдельманом и Берестовым в середине 70-х навестили сценариста Сергея Александровича Ермолинского. Помню взгляд колючий да матовый отсвет виска суглинистого.

Кабинетик на «Аэропорте» – книжная ниша.
Кусковой рафинад на блюде заполярной россыпью.
Автор «Дней Турбиных» улыбался на фото с подписью:
«Вспоминай, вспоминай, вспоминай меня. Твой Миша».

Берестов попросил рассказать, как в девятом году восьмилетний мальчик, сын учителя гимназии, написал Толстому, что тоже будет писателем. А Толстой отвечал, что тот написал ерунду.

На пасхальной неделе гимназисты города Вильно под диктовку папаш-мамаш, гувернёров и гувернёрок сообщили графу, что тоже хотят очень сильно. Но старик никому не ответил. Морок есть морок.

А Серёжа рос, продолжая скрипеть пером.
По его разработкам стал снимать Юлий Райзман.
Ну а фото Булгакова с письмом Льва Толстого – разом при аресте изъяли в сороковом.
Так что рукописи горят. И тлеет нетленка, если ордер подписан вторым секретарём Правления Союза Советских писателей Петром Павленко.

Отсидел своё. И как стали кончаться срока – возвратился. Часть книжек соседи вернули. И в некое лето выпали те раритеты – приветы не с этого света! – из последнего тома Мамина-Сибиряка.

Молот чуть промахнулся, а серп прилетел обратной.
(Тот чекист, два вещдока скрывший, он всё понимал толково...)
А уже за ужином Эйдельман огорошил догадкой:
«Это ж надо! Пьём водку с корреспондентом Льва Толстого!»

4–5 февраля 2015

ЛВ. Лев Толстой — Серёже Ермолинскому:

Желание Ваше быть писателем очень дурно; желать быть писателем значит желать славы людской. Это дурное чувство тщеславия. Надо желать одного: быть добрым человеком, никого не обижать, не осуждать, не ненавидеть, а всех любить.

25 марта 1909. Ясная Поляна.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГАВАНЬ

Просвистит морозцем водолей.
Корюшка проклянется пугливо.
Но заблеет овен у дверей –
и опустятся на гладь залива
десять тысяч белых лебедей.

Рядом жил, а никогда не видел.
Даже и никто не рассказал.
Нинка говорит, Морской вокзал
нишу лебединую похитил...
Ей-то вот Завенчик показал...

Кто тебе поверит на словах
в то, что детство спряталось за шторой?
Поищи его на островах.
Да в Лебяжем, за Большой Ижорой.

4 февраля 2015

ЛЕНТА МЁБИУСА

Николаю Беляку

Время с Временем встречается.
Незаметно так случилось.
Время Кодекса кончается.
Время Свитка возвратилось.

Подожмёт по-детски лапочки
и уснёт в библиотеке
книга, та, что в виде бабочки,
выпорхнула в Первом веке.

Над Невою да над Летою,
над Ривьерою-дель-Брентой
откружила синей лентою,
став компьютерною лентой.

Письмена на крыльях лёгких
схлопнулись крылами книжки.
Ночью книжные излишки
жгут титушки да ярыжки.
...Воздух выгорает в лёгких.

3 февраля 2015

БАЛЛАДА О ДЯДЬКЕ-ЧЕРНОМОРЕ, БОРИСЕ НИКОЛАЕВИЧЕ АЗИКОВЕ

Брату Никите

Этот дядя всегда в ударе:
балагур, покоритель моря,
он, женатый на тёте Кларе,
нет, не дядя он – дядька Боря.

Басом пел: «Если завтра в поход...»
Объявлялся у нас раз в год.

Погромыхивали медали
чешуёю, как жар горя.
В Севастополе дядьку ждали
тридцать три богатыря.

Он присвоил мне званье салаги
в дальнем том, в пятьдесят-конкретном,
А потом служил на «Варяге»,
не на старом, а на ракетном.

Никогда не плёл одинаковину.
И не рвал на груди баян.
Но привёз рогатую раковину.
В ней Индийский пел океан.

И в моём архиве доныне
сохранилась (куда ж она денется!)
фотография белой медведицы
на большой чёрно-белой льдине.

А однажды, придя из плаванья,
в полчаса построил фрегат.
На Васильевском острове, в Гавани,
мы фрегату кричали: «Виват!»

Подмосковными вечерами
дул зюйд-вест и крепчал норд-ост,
если дядька делился с нами
именами северных звёзд.

Астрономия популярная –
спутник в небе, забава народная.
Но главнее всех звёзд – Полярная,
неподвижная, путеводная.

А когда я искал декабристов
и писал про то в «Огоньке»,
карандашик в ладони затискав,
он спросил меня накоротке:

– Где твоих пятерых зарыли?
Покажи мне на плане Шуберта. –
...Вглядывался минуты четыре.
Усмехнулся: – А шуму-то... шуму-то...

Это ж надо упасть со шкафа,
чтоб прошла по косе телега.
Если в крепости – точка Альфа,
то вот это – точка Омега. –

И сверкнула, над картой скользя,
пара острых цейсовских крыл.
И отрезал, как приговорил:
– Дальше – некуда. Ближе – нельзя. –

Как в строю при подъёме флага,
в ту минуту он был велик,

штурман ядерного «Варяга»,
без пяти минут отставник.

...Море вспенивалось. И сушу
пожирало за полчаса.
И врывалась в Маркизову лужу
Голодаевская коса.

Шла программа «Время» по телику.
Съезд безумствовал кумачово.
И в душе я поздравил Америку.
И поблагодарил Горбачёва.

31 января — 5 февраля 2015

КАРАМОРА

Юрию Самодурову

Над столешницей из мрамора
В пышном логове насильника
долгоногая карáмора
танцевала вокруг светильника.

Та, чьи крылья при лунном свете
отливают серебром,
та, которую кличут дети
малярийным комаром.

А она и не пытается
пересилить безумие танца.
И нектаром одним питается,
если выпадет ей питаться.

Бюсты лаврами зацелованы.
Срам прошит золотыми нитями.
Стены густо размалёваны
непотребными соитиями.

Но сюжет похабной фрески
танцовщице безразличен.
Вьётся, бьётся не по-детски.
Кесарь жалок и двуличен.
Факел на стене – вторичен.
Танец храмовый первичен.

Огнедышащими крылами
полог шёлковый подпалит.
Если медными правят орлами
легионы мелких обид,
так пускай же и Рим сгорит.

Цвета ужаса бессонного –
не спастись и не перемочь! –
в обречённость, как в латы, закована
эта Иродова ли, Неронова
занимается над городом
ослепительная ночь.

31 января 2015

* * *

Екатерине Молоствовой

Я дал зарок, и потому не мог,
совсем как та химичка-большевичка,
впрок поступиться принципами. Лёг
напоперёк – не принцип, но привычка.

Она отнюдь не помогала в деле
и даже усложняла жизнь, пока
как на шизу товарищи глядели,
жалея втихомолку дурака.

Тот шёл наверх, а тот катился вниз,
доклёвывая оттепели крохи,
пока Отсос, Подсос и Компромисс
ходили в мушкетёрах той эпохи.

Я мушкетёрам говорил: «Шизливо!»
Борцом я не был. Но брезгливым был.
Теперь не вспомнить, косо или криво,
но в то дерьмо я всё же не вступил.

28 января 2015

СТАНИСЛАВ ЕВГРАФОВИЧ ПЕТРОВ, ВОЕННЫЙ ПЕНСИОНЕР ИЗ ФРЯЗИНА

Жили-были в лучшем из миров,
в мире, перекованном вживую,
в том, где подполковник С. Петров
отодвинул Третью мировую.

Что Господь, что знаки Зодиака
в бункере бетонном под Москвой,
где компьютер алою строкой
возопил: «Ракетная атака!»

Чтоб сработать на опережение
по часам кремлёвским у Петрова
полторы секунды на решенье.
(Апокалипсис – на полшестого.)

Но Петров сирену отключил.
Он, Петров, из своего отсека
по вертушке в Кремль не доложил:
распоследней радости лишил
на лафет вползавшего генсека.

Как просёк, что спутник на закате
стайку серебристых облаков
над ракетной базой в дальнем штате
принял с переляку так некстати
за атаку ядерных штыков?

Отставник из фрязинской хрущобы
этот случай объясняет так:
– Кто ж займёт безумия и злобы
для ведения таких атак?
А компьютер, ну так он – дурак.

28 января 2015

МИРОЖСКИЙ СОБОР. КОНЕЦ 70-х

Сергею Белецкому

Переписав черновик истории набело,
в Пскове, под вечер, жёлтым зайчиком панагии
луч, сквозь оконце продолживший жест архангела,
храм пересёк и упёрся в лоно Марии.

Над проступившей сквозь снег кладбищенской земляницей
за неимением райских – земные пичуги пели.
Шёл ледоход. Похрустывало на Великой.
Помню число: четырнадцатое апреля.

27 января 2015

ТАЙНИЧНАЯ БАШНЯ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Ирине Чеховских

Ночи ладожские пространны.
Но одна лишь картинка снится:
на тусовке памяти Анны
иней в доме (мороз за тридцать).

Разродился бы мемуаром,
только проза здесь – в мимолёт.
...Лунный серп рогатым драккаром
над Тайничной башней плывёт.

За столом ни ахов, ни охов.
Водки столько, сколько не выпить.
Взял топор да ведро – и на Волхов:
кто-то ж должен посуду вымыть.

Но у проруби оглянулся
и застыл с разведённым ртом:
тот драккар на меня рванулся,
полыхнул золотым ребром –

и в полнеба в одно касанье
спроецировал на экран
чудо северного сиянья,
многоярусный орган.

Виртуальный, мильонотрубный,
ослепительно-ледяной,
цветопад его целокупный
был зелёный, стал голубой.

И глядели из чрева ночи
хрусталями полярного дня
чьи-то немилосердные очи –
слава Богу! – поверх меня.

Мутным мороком лихолетья
в распоследнюю коловерть
от щедрот раздавая бессмертье,
шествовала государыня-смерть.

Только что-то её огорчало.
Трель трезвучья в каскаде света,
обращая конец в начало,
повернула зиму на лето.

Скрипкой проворковала милость.
Отвела свирель от беды...

.

Зачерпнуть, увы, не случилось.
Я вернулся с ведром воды.

26–30 января 2015

ПАЛИНДРОМАНИЯ

Ну, казалось бы, что тут такого?

Просто фокус на раз.

Палиндромы Ильи Фоякова –
зависть виршеслагающих масс.

Здравствуй, жанр бесконечно нетесный!

Наших ямбов просторней стократ

тот шедевр Ильи, всем известный:

«Тарту дорог как город утрат».

Три десятка таких откровений –
прямо с облака. Без посредника.

...Жил да был непризнанный гений,
рифмовавший, как все мы, средненько.

В Петербурге, вместе со всеми
воспевавшими Ленинград,
жил поэт, утверждавший, что время
может течь и вперёд, и назад.

26 января 2015

ЛВ. Палиндромоны Ильи Олеговича Фоякова, записанные в моей тетрадке его рукой в 1978-м (с некоторыми более поздними добавлениями): МОЛЕБЕН О КОНЕ БЕЛОМ • НЕДОЛОГ МИР, А РИМ ГОЛОДЕН • ЯРО ЗАКУСАЛА РЕНЕГАТА-ГЕНЕРАЛА СУКА ЗОРЯ • ЛОМ О СМОКИНГИ ГНИ, КОМСОМОЛ • РОПОТ — МАТ — А ТАМ ТОПОР • ИЩИ ПОКОЯ — ОКОП ИЩИ • АЛЕЛ ЗАД, АЛЕЛ, МАКАКА МЛЕЛА ДА ЗЛЕЛА • ЛЕДИ БОГ ОБИДЕЛ • РОДИ МОПСА С ПОМИДОР • У ВИТИ РЕПА К АПЕРИТИВУ • У ТЕЩИ НАШЁЛ ЛЕША НИЩЕТУ • ВЕЕР ВЕЯЛ ДЛЯ ЕВРЕЕВ • НЕСУН ГНУСЕН • Я АННА — ЛЕЖУ, ЖЕЛАННАЯ • А БАБА ВО СИБИРИ — БИСОВА БАБА • А ПУТАНА ТУПА • ПИЛ В ТОСКЕ СЕКСОТ: ВЛИП • ЗАКОПАН, А ПОПА НАПОКАЗ • Я ЯНИС, А ПОПА СИНЯЯ • ОН ХАМ, КАК МАХНО • МОРДА КАЗАКА ЗА КАДРОМ • И ПИШИ ОДУ ХУДО И ШИПИ • А ЛИШИЛА МУЗА РАЗУМА, ЛИШИЛА • МАСТЕР ЖРЕТ САМ • НЕ ДО ЛОГИКИ — ГОЛОДЕН • ТАРТУ ДОРОГ КАК ГОРОД УТРАТ • А ЛИРЕ ВАСИЛИСА ВЕРИЛА.

ФИЛОСОФ ПАКЛИХИН

Рассуждал доцент Паклихин.

– Бог есть?.. Бога нет. Следовательно... –

А я прогуливал то в Опалихе, то на Палихе.

И чем конопатит Паклихин – было мне фиолетово.

Он, конечно, видел, что мало кто его слушает.

Пакля не котировалась в Литинституте.

Распишется в зачётке – и обиду скушает.

Мы же во всём хотели сами дойти до сути.

А потом была перестройка. И путч. И философ Паклихин

ударился в религию. Ушёл из института.

Читал культурологию в частном колледже где-то в Выхине.

И я слышал, будто

читал он истово, излагал последовательно,

отстукивая морзянку по краешку стола,

восклидал: – Бога нет?.. Бог есть! Следовательно... –

Мне говорили, жена у него умерла.

25–26 января 2015

ПОХОРОНЫ-82

Оле Гавриленко

Погребение по инославному чину.
У чекистов с верёвки гроб срывается в яму.
Тут же гром орудийный – и в Останкине режиссёр
давит кнопку, переключаясь на панораму.
Вся страна наблюдает, как стаи ворон над Кремлём
лютым граем приветствуют долгожданную эту кончину.
Режиссёра (по слухам) Андропов накажет рублём.

Трое суток по радио лишь траурная музыка.
Установка начать с позитива новостную строку.
Ну и первая новость, что выбрана методом тыка:
«Километр ТРУП УЛОЖЕН нефтяниками Баку».
Я сидел у друзей. Оля прыснула: «Ох, горемыка.
Но, похоже, не скоро закончится это ку-ку».

А в Загорске жил старец, большим многомудрием славен.
Рассказал он, как в 24-м рыли яму под мавзолей,
да попали на выгребную. И Тихон (в миру Василий Беллавин),
проходя, проронил: «По мощам и елей».

1982 — 25 января 2015

ВЕНЧИЩЕ **былина**

Петру Сорокину

У Венца избиеных от немец при князе Андреи...

Синодик Борисоглебской церкви
в Плотниках. Новгород. XVI век

Пра-Петербург – конечно, Ниеншанц,
(Окопчик-на-Неве). Уныл, пустынен
заштатный шведский городишко Ниен.
И пустота Петру давала шанс.

Он не шутил. Он приступил всерьёз.
Спалил посад. А как сыграли зорю,
пошёл на штурм. И крепость перенёс
на пару вёрст. Ну, чтоб поближе к морю.

Пра-Петербург – конечно же, Ландскрона
(Земли Корона). До трудов охочий
до завершенья летнего сезона
возвёл для свеев крепость римский зодчий.
...Да разметал её с обслугой всей
сын Александра Невского – Андрей.

Пра-Петербург – признаем наконец! –
в синодик заглянув Борисоглебский, –
Венец (ну а венец и есть венец) –
при море аргумент довольно веский,

упёртых новгородцев крепостца,
коварному соседу в назиданье
заложённая с чистого листа...
Да герцог Биргер перевёл названье

ну и сорвал Венец. Но связь имён
во рву мерцала ключиком утерянным.
А то, что Венчищем звалось потом,
так то открыто Адрианом Селиным.

И всё это – Венец, Ландскрона, Ниен,
и пир Петра, и Невская победа,
и даже неолита закулиса
лежит на стрелке Охтинского мыса –
от пуговиц янтарных рыбоеда
(тогда ещё Нева не потекла!)
до фибул из двухсотграммовых гривен
и кубков византийского стекла.

Копай себе в архивах между строк.
Пять миллионов, а поплакать не с кем,
что на глазах ветшает городок,
завещанный нам Александром Невским.

24–25 января 2015

НА СЕДЬМОМ ДЕСЯТКЕ

О. Х.

На седьмом десятке
дервенеют ноги,
костенеют пятки,
покидают боги.
Если жить своим умом,
пусть и не богатым, –
полегчает на восьмом.
Или на десятом.

МАКСИМА ГЕРМАНА

Алексей Юрьевич Герман, для многих просто Лёша, говорил: «Передай Диме, – имелся в виду Крымов, только что поставивший «Гамлета», – был бы он поплоше – стреляли бы холостыми, а так, – пол газетной Москвы Димкиной кровью залито. –

Тут Алексей Юрьевич задумался на мгновение и подчёркнуто членораздельно сформулировал «мо»: – Художник, которого при его появлении в дерьмо не окунали, сам – большое дерьмо. –

Когда ж я просьбу исполнил, Дима расхохотался: – Что, прямо так и сказал?.. – И хотя дальнейшее могло мне показаться, догадываюсь, что Крымов и сам это знал.

23 января 2015

МУЗЫКА СПРЯТАЛАСЬ

Ирине Стекол

– Мёд прирастает сотами,
свадьба – числом стаканов,
музыка – новыми нотами, –
рассуждал Темирканов, –

но музыка высшего качества
и благородного имени
за нотами прячется.
Пойди из-под них её вымани! –

Добавлю:

...Вот и между точками
в ворохе черновиков
прячется за строчками
прозы и стихов.

Мы жили в рокоте ротора.
Ну и проморгали
музыку Крюкова Фёдора,
Берестова, Аронова,
и Крандиевской Натальи.

23 января 2015

* * *

Торф горит за ближайшим селом.
Опалает чужие поля.
Но селяне привыкли. Им – в лом
за чужое болеть с нуля.

Торф горит вокруг городов.
Городская свалка горит.
Батальону девочек-вдов
плакать Родина не велит.

А чего ещё ты хотел,
не высовываясь наружу?
Глаз твоих этот дым не съел,
лишь бесстыжую выел душу.

Вот уже полстраны в дыму.
Пострашней, чем обвал рубля.
Почему горит? Потому,
что горит под нами земля.

23 января 2015 – 6 марта 2017

* * *

Льву Шлосбергу

И снова батальные эти картины.
И песенка полублатная – в струю:
«Подводная лодка в степях Украины
погибла в воздушном бою».

Диета Кремлёвская.
Водка. Груз 200.
Низы не кудахчут пока.
Скорее несущка на тёплом насесте
оплачет цыплят табака.

23 января 2015

ПАСТУШЬЯ БАРАБАНКА

Тамаре Смысловой

Митя Покровский, миру открывший в начале семидесятых океан, материк, планету (нужное подчеркнуть),
короче, народную песню,
не искал виноватых:
не был он сумасшедшим. Ну разве чуть-чуть.

Он говорил: «Семейские сосланы в Восемнадцатом веке,
но сберегли язык времён Алексея Тишайшего.
Записей нет ни в Нотной, ни в Ленинской библиотеке.
И не было б, если б не было ансамбля нашего».

Он бормотал, вычитывая гранки
нашей с Наташей Геккер заметки о нём: «Сбереги.
Вдруг пригодится. Изоглосса пастушьей барабанки
полностью совпадает с линией древней тайги».

«Слово о полку» распеть попытался.
Потух. Закручинился. Огласил приговор:
«Только чтоб ты на меня не обижался.
Это очень здóрово, но это не фольклор».

Он говорил: «Ты учти, фольклор – не искусство.
Это – образ жизни. Если не жизнь сама.
Двое, взаимно питающих неприязненные чувства,
вместе петь не будут, чтоб не сойти с ума».

Он говорил: «И ещё. Они считают, народ – что вата.
Так сжимай или эдак – всё, что хочешь, лепи.
А народ – не вата. Вата не виновата,
если рванёт пружина до Тарбагатайской степи».

22 января 2015

ТАРУССКИЕ СТРАНИЦЫ

Виктору Голышеву

Мика Голышев умел ходить по стенам,
ибо стены были, как в деревне –
пакля между гладких кругляшей.
Он, как гладиатор по арене,
обежит избу на босу ногу
(и при том под самым потолком)
и, по-новой облачившись в тогу,
день-деньской работает потом.

Оттого ли Голышев проворен,
не попал ни в дурку, ни в тюрьму,
что сполна доверились ему.
Оруэлл и Роберт Пенн Уоррен?
Трюк поставлен. Навык наработан.
А учил, как не разбить колен,
отчим, Николай Давидыч Оттен,
тоже знавший толк в погрязи стен.

20 января 2015

МВ. Виктор Петрович Голышев — переводчик «Всей королевской рати» и «1984». Николай Давидович Оттен — составитель «Тарусских страниц», знаменитого альманаха, изданного Калужским издательством в 1961-м.

ПИСЬМО В ХАРЬКОВ

Екатерине Ярьсько

В этой пьесе будешь только зрителем,
соглядатаем языковой межи:
путаем винительный с родительным –
в русском отмирают падежи.

Цукерберг в глаза не видел ятя.
Скачет паровоза впереди:
«Вам есть сообщение от *Катя*».
Принимаю: «*Катя*, заходи!»

Я корреспондент необязательный,
но одни у нас с тобой враги.
Хорошо, что в украинском звательный
сберегли: «Ой, друже, помоги!»

20 января 2015

**ЕЛЕНА ГОЛЫШЕВА,
ПЕРЕВОДЧИК ПРОЗЫ.
ТАРУСА. ЛЕТО 79-го**

– «Новый мир» обещал.
Будет вам Набоков. И даже
С примечаньями. –
Где тот журнал?
Столько ждал... Ну когда ж?.. Когда же?

За Окой выгорала сирень.
Там кузнечик пощёлкивал сухо.
«После дождичка в рыбный день», –
проходя, проворчала старуха,

по делам своим шедшая,
местная сумасшедшая.

20 января 2015

СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА

*Ну, а если звонить тебе некому,
Так зачем тебе две копейки?*

Александр Галич

Луковки выцветший купорос
в Сент-Женевьев-де-Буа.
Чёрные космы плакучих берёз
ветер мотает. А мне не до слёз.
Что я сегодня поэту принёс?
Только его слова.

Бунин и Тэффи простят. И Лифарь.
Бурцев, и вы – простите!
Это не к вам в этот склизкий февраль
этот дурак-посетитель.

Мёртвые не доверяют словам.
Не отвлекай пустяками.
Вот, Александр Аркадич. Я – к вам.
Хоть и с пустыми руками.

Утро субботы. Храм на замке.
Ни свечечки, ни букета.
Шарю в плаще, как в черновике.
Чу! За подкладкой – монета.

Можно ж, как в море, – монетку под крест
восточкой в дальние дали.
Вынул... Так вот что я вёз через Брест,
а погранцы проморгали...

Смертную переступая черту,
душу свою обездвушу –
решкою вниз положу на плиту
дань за спасённую душу.

19 января 2015

НЕ В КАЧЕСТВЕ СОВЕТА

Даше Бескиной

Мы наделяем собственной душой,
привычками и мыслями своими –
других. Но есть такой секрет большой:
другие – и окажутся другими.

И страсть сама себя перегрызёт.
О пустоту мечтанья разобьются.
И не вернёт к реальности расчёт
кофейной гущи, выплеснутой в блюдце.

И если только очень повезло,
и дружество соединило звенья,
вам выпадет счастливое число –
родной души свободное паренье.

18 января 2015

ВЫБОР

И дожил до шестидесяти. Это
одна двадцатая истории России,
когда считать от Ладожской Руси,
от Рюрика и Вещего Олега.

То в жемчугах, а то полубосые.
Полсотни поколений. Ни портрета,
ни имени в четвёртой производной.
Помянут только Альфа да Омега.

Всё началось вчера. Столь коротка
цепочка на полях черновика,
что журавлю я предпочту синицу.

Всё только начинается. Пока
мой мозг питают корни языка,
в гробу я видел вашу границу.

18 января 2015

ГЛОТТОХРОНОЛОГИЯ

Андрею Зализняку

А ведь язык меняется так быстро,
что ангелы за ним не поспевают.
Всего каких-то десять поколений
и древнерусский превратится в русский.
Воображаю, как бы хохотал
Ян Сидоров, студент Литинститута,
шекспировед и декабристовед,
покончивший с собой до перестройки,
и мой другой товарищ рыжий Славка
Шелковников. И даже Алик Шумский,
стебок, который звал бумажный рубль
Московским Живописцем, а железный
приветствовал: «Карман – не мавзолей,
в кармане, батенька, не залежишься!» –
когда бы услышать они могли:
«Звони в карман да прикупи мне память».

18 января 2015. Воскресенье

**ТРУБНАЯ ПЛОЩАДЬ.
6 МАРТА 1953**

Н. В.

1

Есть полковники.
Есть подполковники.
А бывают ещё *подпокойники*.

Это те,
что умерли при жизни,
но живых умеют убивать.
И уходят, чтобы погулять
на своей, столь многолюдной тризне.

2

Новость рыдала громче любого грома.
Кто на столе, кто на корточках, кто на кушетке,
пятого марта в операционной роддома
выли в голос медсёстры и акушерки.

Самая молодая решила: поеду!
Умер родимый и – белый свет померк.
Вот и зарплату, как знали, выдали в среду.
Ну а сегодня, девочки, только четверг.

Отголосила. Вспомнила, что во вторник
что-то ещё очень важное произошло.
...Доктор смотрел. Сказал, что будет ребёнок.
«Вы уж, пожалуйста, сберегите его».

Доктор – василебстровское светило.
Он не вредитель, хотя очкаст и носат.
«Я ж акушерка. И я себе запретила
ехать. И от вокзала пошла назад».

3

В то холодное лето мне было теплее всех.
И напрасно Высоцкий наговаривает на утробу.
Слушал сердца стук.
Слышал мамин смех,
завернувшись в плаценту, как боярин в песцовую шубу.

Верил: ангел встретит улыбкою у дверей.
Вполпьянá кемарил.
Бил пяткою. Был счастливым.
До рожденья вспоили меня молоком и пивом.
Так советовал мамин доктор, блокадник-еврей.

4

Я должен был погибнуть до рожденья
в ту пятницу, в столице, на Трубе,
и если бы не мамино решение,
не рассказал бы этого тебе.

17–18 января 2015

КУЗЬКИНА МАТЬ

баллада о сказке

Под веником кто-то был...

Татьяна Александрова.

«Кузька в новом доме»

– Ага. Ага. Ага... – Татьяныванна!
Опять вы разагакались! – Ага. –
Художники не говорят пространно.
Их речь, как речка, знает берега.

Писала недурные акварели:
«Портрет ребёнка и портрет цветка».
...Мы и вообразить себе не смели,
что перед нами Муза Языка.

Хотя однажды, учинив приборку
после явления народных масс,
оттёрла, точно тряпкой, поговорку
«В браде серебро, а бес в ребро». (Во класс!)

И в том же давнем, семьдесят-средином,
во славу зарифмованного слова
мы собрались кружком своим старинным,
всей бандой (от Кружкова до Яснава).

...О, эта сладость Берестовских сред,
то сказочное братство не по крови –
триумф провалов, изредка – побед,
обид, восторгов, дружества, любви.

Но подходило время выметаться.
Ведь и метро кончается когда-то.
«А вас, Андрей, я попрошу остаться!»
Звучало, как киношная цитата.

Народ свалил. Призналась: пишет сказку.
«О чём?» «О домовёнке». «И давно?»
«Пожалуй, с института!» «Ну, кино!
А муж-то знает?..» «Не вгоняйте в краску.

Я почитать хотела вам и Вале.
...Послушаешь, Валюша?»

...На диване
рассевшись, очень скоро утеряти
нить временную. В дом вошёл театр.
Точней – ввалился: Пудя и Нафаня,
Вукочка, Адонька, Сосипатр,

Пармеша, Ховря, Беря, Куковьяка,
Лутонюшка, Пафнутий, Веденей...
Лишь Теря всё не приходил. Однако
Сюр и Пегасий ржали у дверей.

...Очнулся. Над Беляевым белело.
Двор примерял февральские снега.
– Да это ж классика! – сказал я очумело.
А Берестов откликнулся: «Ага».

17 января 2015

МЛАДЕНЧЕСТВО. ЛЕЖУ В КОЛЯСКЕ

Маме

Погремушка болтается над
самым носом. Ору, чтоб убрали.
Перекадывают. Говорят
из-за марлевой душевной вуали...
Но о чём?.. Понимаю едва ли.

В самом деле – при чём тут слова
в мире зрительных приобретений?
Вот ко мне заглянула листва.
Вот прокрались щекотные тени.

Плачь, младенец! Справляй торжество.
Будет вдоволь и ласки, и хлеба.
А пока интересней всего
из коляски разглядывать небо,

где поверх семицветной струи
возлежат на лазоревом блюдце
облака – погремушки твои,
до которых мне не дотянуться.

17 января 2015

ВБ

Марине Берестовой

– Осторожно, я – зеркало, – Берестов говорил, –
каждый видит во мне своё отраженье. –
...И как в воду глядел. Кто заметил за ним пару крыл
портативных, воздушных, что прятались при приближеньи?

И поскольку смущал парадоксов сократий размах,
отмахнулись от боли. Решили, мол, просто кокетство.
...А ещё он ведь первый, кто в русских недетских стихах –
хоть на четверть часа, а вернёт человечеству детство.

17 января 2015

ГЕНИЙ МЕСТА

Юлию Рыбакову

Песенкой двóрничких поскребушек –
вжик... вжик... вжик... –
в четверть шестого ошкрябает душу
Genius loci, таджик.

Мученик ДЭЗа с упорством душмана
путь преграждает зиме.
С вечера смёрзлась небесная манна.
Что у неё на уме?

Раньше, чем солнце над миром взовьётся,
справится парень едва ль.
(А почему это Genius loci,
скажут вам Генис и Вайль.)

Genius loci – дух мудрый и добрый.
Он на Москве пообвык.
...Что ни сугроб, то Памир многорёбрый.
Надо поспеть к часу пик.

Чтоб горожане подольше поспали.
Чтоб ни дерьма, ни окурка.
Чтобы жильцы ему вслед не шептали:
«Нерасторопная чурка...»

16 января 2015

* * *

Держись за веточку, держись,
последний лист кленовый!
После шестидесяти жизнь
закрутится по новой.

Сойдут весенние снега.
Зима не будет длинной.
Видны иные берега
с той пристани пустынной,

когда вперяется зрачком,
всё разложив по полочкам,
старик над Вышним Волочком,
прикинувшийся облачком.

15 января 2015 – 3 апреля 2017

НИКОЛАЙ ФЁДОРОВ

Потому что верьте ли, не верьте:
мы – последние, кто избежит бессмертья.

Мёртвых нас, убогих (так твою!..)
пожалует и забудет вскоре,
в виртуальном плавая раю,
мудрый мозг потомка в физрастворе.

15 января 2015

ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ

Андрею Бескину

Разрешают: «Посиди в передней!
Ты, старик, уже не молодёжь!»
Третий возраст, он же и последний,
до чего же всё-таки хорош.

Был ты хлюпик или, может, – мачо...
Господи, какая ерунда!
Вот твоя последняя удача –
эти благодатные года.

Молодость – всего лишь мелодрама
в голубиной пьесе естества.
Всё устроилось. И даже мама –
не болела б только бы! – жива.

Принимай рассветы как подарок,
как залог прощения вины.
Ты, старик, всего лишь полустарок,
мы не молоды, мы вновь – юны.

15 января 2015

ПЕРЫНЬ

*Владимиру Сарабьянову,
реставратору древнерусских фресок*

Как Тарковский когда-то пробросил
(слава Богу, успел объяснить!):
*Наблюдать умиранье ремёсел –
Всё равно что себя хоронить.*
...Выйти в шторм без руля и без вёсел.

И ручной этой выделки слово
нас однажды догонит на Ильмере.
...Гаснут краски Андрея Рублёва
и в Звенигороде, и во Владимире.

Слушай местного златоуста,
чёрно-белый буклет беребя,
и не ведай, где густо, где пусто.

Наблюдать умиранье искусства,
по сухой штукатурке скребя, –

распинать ежедневно себя.

на 15 января 2015

КАРАОКЕ

*Пришла вирта —
Отворяй ворота.*

Денис Новиков

– Получаете – чего не чаете! –
трубку телефонную не бросив, –
Что вы там всё время отмечаете? –
у Дениса спрашивал Иосиф.

А Денис смеялся: всё по плану!
У меня такая колея!
Вот осуществлю свою программу,
тут-то и узнаете, кто я.

Недоласканный и недохваленный,
по восьмидесятым – лучший самый! –
в девяностых был уже развалиной.
Что-то не сложилось с той с программой.

Отвалились те, кто одесную.
Кто ошую – выпали из рук.
Сокращая книжку записную,
стягивал всё туже мыльный круг.

В заголовках глянцевого журнальчика,
сочинённых левою ногой,
места нет для достоевских мальчиков,
избранных судьбою на убой.

Спрыгнувший на раз с земного диска,
мыкаешься ты в каких краях,
ты, Денис, Денисище, Дениска,
разом всё и вся пославший нах.

14 января 2015

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА (жалобы отъезжанта)

Угодья староновогодья –
замоскворецкие поля:
в снега одетая сегодня
пустопорожняя земля.

Замену тепла и света
опричный паводок побед.
Не будет ни весны, ни лета –
лишь оттепель. Раз в тридцать лет.

13 января 2015

НИНА, ЖЕНА ЗАВЕНА

Анатолию Заславскому

И когда являлась эта троица –
Хулия, Ахуля и Хусим, –
Нинка начинала беспокоиться,
хлопотать и ворковать над ним.

Пьян, не пьян. Пойми его в застолье.
(Ох, густые царские кровя!)
Спрашивала: – Ты, Завенчик, в норме?.. –
Мастер возражал: – А Хулия!

– Ты ж уже качаешься на стуле! –
Аршакуни вопрошал: – Ахули?
– Разведут мосты – напьёшься в дым! –
Отвечал, подумавши: – Хусим.

А Хусима Нина не любила.
От него все беды на Руси.
И Завена тут же уводила.
Или наскребала на такси.

13 января 2015

ДИСКОБОЛ

Артемию Троицкому

Нет, никого б, наверно, не винил,
не укорил дорожкой продувную,
когда бы не шуршащий тот винил,
тот, гибнущий под гибкою иглою,
та чернолаковая благодать –
вся сумма изначальных оборотов,
где 33 (прибавить 45!) –
нумерология московских обормотов.
Фирма в конвертике из-под «берёз»,
оттиснутая в недоступных странах,
утеха избранных. И не вопрос,
на сколько рэ потянет в деревянных,
и сколько за неё даёт УК,
и как ты выкрутишься в ректорате,
а нет, так не великие срока
прописаны в армейском аттестате.
Крутись, столешниковская фарца,
перегоняй катушки на кассеты.
Запиленным винилом – гоп-ца-ца! –
прописаны последние ответы.
Раскаянье оставим на потом.
Крутись, крутись, виниловая фронда.
...а радиола та звалась «Ригонда».
А в детстве был отцовский патефон.

12 января 2015

ЛВ. 78 минус 45 оборотов равняется 33 оборотам.

ЛИХАЧЁВ. ЛЕТО 1997

Пушкинодомцу Александру Боброву

На даче, под суконным одеялом,
с полуулыбкой боли на лице
он молвил: – Даже страшно, как в конце
концов – конец смыкается с началом. –

Про Ладугу дослушал и про Любшу,
почти бесплотен, как былинка сух,
привычным жестом вкладывая душу
внимательную – в зрение и слух.

Подобный парусному кораблю,
разглаживал преданий ветхий ситец:
– Больше всего из Ладуги люблю
глазкі. Увёз их в Киев летописец. –

– А вы их видели? – Не довелось. –
Кладу на стол, как будто в сновиденьи,
на Волхове подобранные врозь
две бусины из древней стеклодельни.

Две капли мозаичного стекла,
светящиеся, жёлто-голубые,
раскатятся по плоскости стола,
и скажет он: – Так вот они какие... –

Ещё не подошёл прощанья срок.
Но, перейдя тысячелетий бровку,
он, как ребёнок божию коровку,
всё гладил, гладил, гладил тот глазок.

12 января 2015

ЭФФЕКТ БАБОЧКИ
(поллитра на троих с Окуджавой
и Олегом Хлебниковым в мае 1997-го)

Ольге Крокинской

Под водочку («Грушёвая. Хорошая.
Войнович из Германии привёз»),
под занавес тысячелетья прошлого
он задал этот простенький вопрос.

Московский двор вовсю дышал весной.
Капустница влетала к нам в окно...
– Когда в России право крепостное, –
спросил меня поэт, – закреплено?

Олег резонно возразил Булату:
– В субботу грызть гранит?.. И нам не лень?
А я сказал, так и не вспомнив дату:
– В тот день, как отменили Юрьев день.

Капустница в оконных рамах корчилась.
Поди достань!.. Нас проводив до двери,
промолвил: – Тут Россия и закончилась. –
А я ему впервые не поверил.

10–11 января 2015

РИСУНОК БАБОЧКИ

*Не хватало малого —
Лёши Заливалова.*

Всё как у людей – венки да речи.
Поминаний скорбный ритуал.
Смерть – и вправду обещанье встречи,
как Есенин это обещал.

Но отставшим от того не легче.

Плакальщицей-скрипкой отболела –
вот и стала музыкой душа,
сбросив опостылевшее тело,
новенькими крыльями шурша.

9 января 2015

ТРИДЦАТНИК. НАЧАЛО 80-х

Галке Шашановой

Жизнь кисла, как тот супец на щавеле.
Сверху зелёно. Бурда внутри.
Но уже и книжку в план поставили.
Значит, выйдет года через три.

Цензора обманешь и редактора.
И не станешь нить по пустякам.
Пустяка – геройской смерти автора –
хочется посредственным стихам.

8 января 2015

РЫБНЫЙ ДЕНЬ В ВОСЬМИДЕСЯТОМ

Ольге Лабас

Что́ нам Гекуба? Мы выпьем с Гекубой.
Праздник у нас на столе.
Шесть миллионов селёдок под шубой
сделал Люсьен Оливье.
В магнитофоне форель золотая
лёд разобьёт в куски.
Стол сервирован икрой минтая.
В баночке печень трески.
Сайра в салатнице. Мы не в Европе.
Олимпиаде – привет!
«Где они, эти Мазурские топи?» –
спросит не к месту поэт.
Всё у нас вкусно. Особенно шпроты.
Выпил – и свечку задул.
...Где они, эти десантные роты?
Где этот чёртов Кабул?

8 января 2015 – 29 декабря 2016

МАРИЯ БАРАНОВСКАЯ

*Ты был открыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.*

.....

*Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нём тебя отроет вновь...*

Дм. Веневитинов. К моему перстню.

Рассказала много удивительного.

Но засело в памяти одно:

перепóхороны Веневитинова
(кладбище сожрал завод АМО).

Хребтопреломленье.

Раскрестьянивание.

Голодух повальная облава.

Заступа могильное позванивание.

Громкоговорителя пованивание.

Год Второго Крепостного Права.

И поведала Мария Юрьевна,

как жара нещадная июлила.

Полевой букетик вял в горсти:

«Русская судьба набедокурила.

Господи, хоть этот прах спасти!..»

Ничего ни страшного, ни странного.

Не рыдали вслух колокола.

У поэта с пальца безымянного

медный перстень женщина сняла.

Там наряд ременчатый присутствовал,
и едва отплакали слова,
юный милицейский посочувствовал:
– Вот ведь убивается вдова...

6 января 2015

ЛВ. 22 июля 1930 г. при перенесении праха поэта с территории уже взорванного Симонова монастыря присутствовали две молодые дамы — Татьяна Григорьевна Зенгер (1897–1978), в замужестве Цявловская, и Мария Юрьевна Барановская (1902–1977), сотрудница Исторического музея и жена архитектора-реставратора Петра Дмитриевича Барановского (1892–1984), спасшего собор Василия Блаженного и десятки других древнерусских памятников. О том июльском дне Барановская записала: «...Поразила музыкальность пальцев. С безымянного пальца правой руки был снят бронзовый перстень, принадлежавший поэту... Насколько я знаю иконографию, поэт был самым красивым из русских, да, пожалуй, и зарубежных писателей. Красоту и благородство его лица можно сравнить, пожалуй, только с Байроном. И подумать только, ему не было и двадцати двух лет!» Перстень Веневитинова был передан в Литературный музей.

БУРЖУЙСКАЯ КВАРТИРА (рассказ Акимыча)

Хрусталь смотрелся в зеркало паркета.
Хозяйку звали Мина или Инна.
На дне рожденья (у Никитских где-то)
гуляли дипломанты ВХУТЕИНа.
Без обуви. В заштопанных носках.
Всё – только высокоом, о стихах.

А я молчал. Разглядывал картины.
Вперялся поговорочный баран
в жемчужины буржуйской той квартиры –
над дверью Рубенс, в холле Тициан –
не в репродукциях, в оригинале.
...Недели две потом в глазах стояли.

Хотел было спросить: «А кто твой папа?»,
Да за полночь склубились целых три!
Не в Москвошвее шитые из штапа –
в ремнях Менжинского богатыри.
И личики, безликие как вобла.
А на петлицах по четыре ромба.

И первый же вопрос, как будто нож
прозектора, зависшего над мозгом:
– О чём в ночи толкует молодёжь?
– О Маяковском, пап, о Маяковском!
– О ком?.. Об этой контре? – Тусклый взгляд
вокруг себя. И вдруг – мат-перемат.

Как только взвыли кожаные дяди,
я – в коридор, я оказался сзади,
как бы в засаде. Но бочком, бочком...

Схватил чужую шапку. И не глядя, –
вниз по ступеням, чуть ни кувырком.

А дальше было, как на Чёрной речке.
Свинцовым плеском табельной капли
не даст товарищ Маузер осечки
в четырнадцатый день, в гнилом апреле.

4–5 января 2015

МВ. Аркадий Акимович Штейнберг (1907–1984) — поэт, переводчик Мильтона и Ван Вэя, художник. В 1930-м закончил ВХУТЕИН. Так с 1926 года назывались Высшие художественно-технические мастерские (знаменитый ВХУТЕМАС).

МВ. Четыре ромба носили члены Коллегии ОГПУ.

МВ. 14 апреля 1930 — день гибели Маяковского.

ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ

Над манускриптом старца-изувера
видней благих намерений дорога:
лишённая любви бессильна вера,
поскольку бесы тоже верят в Бога.

2 января 2015

ПОСЛЕ БОЛЬНИЦЫ

Выкарабкивается упрямо.
То ровнёхонько, то с кручи – в тучи.
Спрашиваю утром: – Как ты, мама?
– Как?.. То хорошо, а то получше.

28 декабря 2014

НЕПРОЧИТАННАЯ ЛЕКЦИЯ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

*Сотворил человека –
мужчину и женщину, сотворил их...*

Как народ про это говорит,
вас, гражданочка, тут не стояло!
...Не было злокозненной Лилит.
Дьяволицы не существовало.

Жили стадом. Но пришла пора,
и любовь забрезжила из мрака.
Сотворенье Евы из ребра –
сотворение семьи и брака.

Ева, эта первая жена,
и покончила со стадным срамом.
Адамá, что ей обожжена,
стала мужем Евиным – Адамом.

28 декабря 2014

МВ. Адамá — красная земля, глина, из которой в шестой день творения вылеплен человек, «мужчина и женщина» (т. е. и мужчины и женщины рода человеческого).

Отец Александр за эту апокрифическую лекцию ответственности не несёт. Не вспомню, касались ли мы с ним этого сюжета. Однако, судя по всему прочему, он мог так думать. Библейская картина творения сугубо эволюционна, начиная с Шестоднева: nestoriana.wordpress.com/2013/03/12/shestodnev/

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Сане Лурье

А когда пойдёт игра недетская,
выручит небесная опека –
Федя Крюков, Туся Крандиевская,
дети девятнадцатого века.

Всякий раз, как муторным наветом
заклубится мрак тысячелицей,
объявляются перед рассветом
отрок – об руку с отроковицей.

Через три согбленных поколения
по-провинциальному неловки –
два отвергнутых эпохой гения:
та с Гранатного, а тот из Глазуновки.

Не сказав словечка – надоумили.
Ну, пора. Ступай своей тропею.
– Дети, вы ж в Двадцатом веке умерли! –
Смотрят молча, мол, Господь с тобою.

27 декабря 2014

МВ. Фёдор Крюков (1870–1920) — запрещённый классик, автор «Тихого Дона»: fedor-krjukov.narod.ru

МВ. Наталья Крандиевская (1888–1963) — прозёванный поэт XX века: krandievskaya.narod.ru

* * *

Ольге Кушлиной

Ангелы не знают, чем закончится
суетная жизнь их подопечного.
Шлют предупрежденья и пророчества
в тленный купол клапана сердечного.

Над болячкой иволгой-зегзицей
нянькаются, будущее лепят.
То, что вы зовёте интуицией, –
их невнятный, но понятный лепет.

Сна не зная, крыл не покладая,
остужают горе и злосчастье.
Некоторым это помогает.
Но не всем. И – вот беда! – нечасто.

27 декабря 2014

ПРАВИЛО СЛАБОЙ СТРОКИ **(правило Берестова)**

– Как это происходит – неизвестно.
Но если стих рождается в сорочке,
то слабая строка укажет место
ещё не найденной, но самой сильной строчки.

27 декабря 2014

С УКРАИНСКОГО

Два стихотворения Лины Костенко

I

Над срубом монастырского колодца
Алеет осень гроздьями рябин.
Придёт черница и над ним нагнётся.
И зачерпнёт из голубых глубин.
Посмотрит – из-под куколя прольётся
Земной печали отрешённый свет...
Чудной народец – эти стихотворцы.
Всё им приснится то, чего и нет.
Приснится то, чему вовек не сбыться.
Внимай, по-детски ужас затая, –
На ободке серебряной криницы
Волнуются виденья бытия.
И целый свет – он брызгами дробится.
Дымок туманов в сумерках долин.
И влажный ковшик на краю криницы.
И гроздь порыжелые рябин.

II

Фанерных журавлей не окликает вырий.
Не жди, не оживут, душа уже вдали...
Пои живой водой, полнеба плачем вылей...
А мы-то, мы-то, мы... Мы вам кур-лы-ка-ли...
С деревьев моросит. Гнездо прибито криво.
Сгущается октябрь над маревом полей.
Где небо? Где земля? И кто поднимет крылья
Таких ручных, таких фанерных журавлей...

[Перевёл в 1986-м]

НА ГОРЕ ПАРНАС
(со слов поэта-сердечника)

...Перед вершиной конь закусил удила.
– Н-нно! – говорю, – травяной мешок, волчья сыть!
Ежели трещина мира по сёрдцу прошла,
сердце должно постараться весь мир вместить.

24 декабря 2014

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОБЕНКОВА

I

Рóкошник*, крамольник, балагур,
возмутитель бурь в стакане водки,
школьник, чей трагический прищур
помнят постаревшие молодки.

Пятая колонна, тайный тать...
Было. Так и эдак величали.
Рóкать – бить по струнам, рокотать.
А они и вправду рокотали.

II

Знали бы раньше – выпили б на посошок.
Только такого знания нет на земле.
...Вот и вернулся, как вышел изгнанию срок, –
новенькой книжкой, прелóмленной на столе.

15–24 декабря 2014

* бунтовщик (*древнерус.*).

ЛИНИЯ ЖИЗНИ (рассказ Лихачёва)

– Как показать, что линия коротка? –
Палкою перед собою провёл черту.
Ученики, навестившие старика,
переглянулись. А он смотрел в пустоту.

В провинциальном скверике после войны
лозунги рдели и в кумаче, и в бронзе.
Не было на профессоре том вины.
Чем-то он не показался местному бонзе.

Вот и пришли в больницу ученики,
всё про одно талдыча, как малые дети.
Ну почему правоте своей вопреки
в спор с подлецом не вступил на Учёном Совете?

Линия та, что утверждена на века,
перешибала обухом весть благую.
– Как показать, что линия коротка? –
снова спросил. И рядом провёл другую.

23 декабря 2014

ЗАГОВОР МЁРТВЫХ

Ирине Сурат

Шепчутся. Кликушествуют. Бесятся.
К ночи – бренди. Поутру – рассол.
Графа Рэтленда да графа Эссекса
усадили на пустой престол.

Связь распалась. И душа затребовала
тех утех, что душу вынимают.
Ибо почему Шекспира не было?
Потому что Бога не бывает.

Лезут, лезут, лезут, как из кратера.
Множат сернокислые слова.
Бунтом персонажей против автора
тот комплот Ахматова звала.

22 декабря 2014

6 ДЕКАБРЯ 1878

В стекле луна лучиною чадила,
а звёзды – те попрятались куда-то.
В ту ночь родился сын Сатанаила.
(В анкете он потом поправит дату.)

Суровый пастырь. Страж земного ада.
Насельникам проклятье и аскеза.
Поскольку «джуга» по-кавказски – стадо.
И стая. А ещё – кусок железа.

И ангел, глянув между полотенец
и не увидев дна того колодца,
шепнул звезде: «Младенец как младенец.
Хорошенький. Даст Бог, всё обойдётся».

22 декабря 2014

МВ. Став генсеком, он изменил в партийной анкете дату своего рождения. И число, и год. Родился в среду, но по новому стилю это пятница (несчастливый день, в пятницу Христа распяли, по пятницам казни устраивали), перенёс дату на воскресенье старого стиля (вторник нового), на самый короткий день и самую длинную ночь в году (21 декабря по новому стилю). И год себе убавил. Чтобы гороскоп не вычислили, порчу не навели.

* * *

*Десяток мимолётных вёсен
Нам поздняя приносит осень...*

Берестов

Что не спето – то и не успето.
Но и в ноябре бывало лето.
Обжигало душу – мать честна! –
слаще, чем возвратная весна.

В полынье студёная водица
закипала круче кипятка.
Окунёшься – проживёшь века.
...А всего-то и делов – влюбиться.

22 декабря 2014

ИЗ НИКОЛОЗА БАРАТАШВИЛИ

*Живописцу Нугзару Мгалоблишвили
посвящает этот опыт автор перевода*

Первозданный небосвет,
Синий свет – небесный цвет,
Тот, почти потусторонний,
Полюбил я с юных лет.
Но хотя остыла кровь,
Не простынет та любовь,
И – клянусь! – иного цвета
Я вовек не полюблю.
Он в глазах моих стоит,
И течёт, течёт в зенит
Впрок восторгом напоён
Тот небесный окоём.
В небо взмывшая мечта
Мыслей суетных сильнее.
Вот и манит высота
Породнившегося с нею.
В час кончины не увижу
И слезинки над собой –
Только синь родного неба
Окропит меня росой.
А когда мою могилу
Скроет утренний туман,
Да взойдёт он фимиамом –
Жертвой синим небесам.

1841

[Перевёл 16 ноября 2013]

МОЛИТВА АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО

Где новоделы имперской фени
загромоздили пути,
Чистая Дева Агни Парфёне,
помилуй и защити!

Агни Парфёне,
пусти в свои сени,
очисти мои слова:

сенью спасенья
над нами, над всеми, –
омофóр Покровá.

на 21 декабря 2014

ОРЕДЕЖЬ

Пóлно. Такое не лечится.
Пó ветру пепел развей,
вспомнив, как малая речица,
прыгала меж камней.

Замысловатая, заячья
стёжка её берегов
не замерзала у Заречья
даже на лоне снегов.

Бьётся лугами-альварами
детства цветочный лоскут.
...Каменными тротуарами
будни в Лету текут.

Памятью серого Севера
душу не бережи.
Там, где не сдюжат и семеро,
только одно впереди:

сладостным дымом отечества,
белым черновиком –
Оредежь, малая речица
за железным замком.

19 декабря 2014

ТРИ ДНЯ БЕЗ МИШИ УСПЕНСКОГО

Проросли кладбищенским паслёном,
негативом меркнувших светил
красный (что при жизни был зелёным),
синий (тот, который жёлтым был).

И уже не спросится – откуда,
горстку сновидений тебе,
фэнтези как замещение чуда,
этот мир, в котором нет тебя.

Рукотворный, выдуманный, тленный
и осиротелый до поры,
чтоб на той окраине Вселенной
создавал ты новые миры.

15 декабря 2014

ИЗ «ГАМЛЕТА». **МОЛИТВА КЛАВДИЯ**

Мой грех смердит до самых до небес...
Древнейшее и главное проклятье –
Убийство брата. Не могу молиться.
Хочу, но не могу, хотя желанье
Столь велико, что впору разрыдаться.
Я полон сил. И я ещё не гнусь!..
Я должен жить двойною этой жизнью,
И должен сделать то, что сделать должен.
Но как, скажи!.. Когда б моя рука
Была ещё черней от крови брата,
Неужто б не хватило небесам
Дождя, чтобы омыть её?.. Зачем
Все эти рассказы про милосердые,
Когда неискупимо преступленье?..
Молиться?.. Это вот и значит жить
Двойною жизнью – быть предупреждённым
До совершения проступка или
Прощённым, если после помолился.
Вот я молюсь. И что? Мой грех отпущен?..
Допустим, я и правда не могу
Сказать «Прости мне подлое убийство!»,
А почему? А потому, что я
Не властен отказаться от короны,
От королевы да и от себя...
И разве можешь ты простить, когда,
Отринув грех, не можем мы отторгнуть
Его плодов, которые столь сладки...
Ты знаешь сам: в безумном этом мире
Чистейшая душа обречена
Быть втопанной в такую грязь, что лучше
И не глядеть. Закон?.. А что закон?..

С законом мы поделимся, и он
Нас возблагодарит. Он осуждает
Лишь падшего, того, кто проиграл.
Но я ведь победил!.. И что теперь?..
Что остаётся мне?.. Что?.. Покаянье?
Но если нет раскаянья, поможет
Мне покаянье? Боже, я такой,
Каким меня ты сам и сотворил,
Так чья вина?.. Ой, худо, ох, как худо
Глядеться в сердце чёрное, как ночь.
...Доволен? Ты поймал меня? Ликуй!
Ещё одна душа в твоей ловушке.
...Пошли мне ангелов твоих на помощь!
Ещё раз испытай меня!.. Не хочешь?
Тогда я сам... Согнитесь подо мной
Мои колени... Сердце размягчу,
И, может быть, ещё всё обойдётся.
...Слова возносятся, а помыслы гнетут.
До неба те и эти не дойдут...

ПРИЗНАНИЕ ТАТЬЯНЫ

Рассказывала модная писательница
о первой встрече с Бродским. И о том,
как удостоилась вниманья гения,
в зал бросив, мол, отстаньте вы от гения!..
И заприметив зреньем боковым,
что гений среагировал: «Что?.. что?..»

Но, подсекая цепкую блесну,
она, конечно, повторять не стала.

И в перерыве, да, он подошёл.
Она ждала ответного признанья.
И получила: «Через вас хотел бы
сказать спасибо». «Но кому?..» «России».
«За что же ей?..» Задумался. Ответил:
«Ну, за Бориса. И ещё за Глеба».

9 декабря 2014

ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

сверхценная идея

Лет тридцать назад
тарусская жительница Пелагея Марфовна
написала стишок:

«Точку подвинул – линия вышла.
А её подвинул – получилась плоскость.
Плоскость опрокинул – объём образовался.
Так вот и построил пространство.
Стал сдвигать объём относительно объёма...
Ничего не вышло, кроме жара и грома.
Вместо идеального четырёхмерия –
жадная, потная дура, материя...»

Подводя итоги короткой дискуссии,
Олег Хлебников сформулировал:
«Время есть проявление
последующего измерения в предыдущем».

Абстрактное трёхмерие –
математическое пространство
(ни струн в нём, ни суперструн),
а обременённое тяготением
кривоватое четырёхмерие
движется во времени по формуле $4+1$,
убегая от Господа Бога
в сторону Господа Бога.

И потому математики не могут понять физиков,
а мальчик Кай – девочку Герду.

8–9 декабря 2014

ГАДАНИЕ НА ПУШКИНЕ

А через год,
решившись пойти в загс,
решили погадать на Пушкине,
на красном трёхтомнике.
Выбрали третий том.
Проза не обманет.

Мне досталось:
«Участь моя решена. Я женюсь».
Ай да Пушкин!..
Достойно и уместно.

Но тут ты открыла книжку.
Прыснула. И сразу
прихлопнула ладошкой
коварное Наше Всё.

Оно шепнуло такое,
что дальше и некуда:
«Поэзия некогда
процветала в древнем Горюхине».
...Ай да сукин сын!

Тогда-то и стало ясно,
что ты ему нравишься.
И он тебя ревнует.
Однако брак одобряет.

8 декабря 2014

* * *

Многолюдной палаты пустая надсада –
милосердие провинциального ада.
И пока ты с листа репетировал ад –
светлым пятнышком был медсестры халат.

Оклемаешься дня через два или три.
В этот раз проскочили. Твой ад, он – внутри.
На краю бытия по балде огребя,
постоял на краю. И довольно с тебя.

Август 2010 — 8 декабря 2014

ПОСЛЕ ШЕСТИДЕСЯТИ

Памяти брата Саши Азикова

I

Не верю орхидеям и бегониям.
(Вы переставьте ваш букет, пожалуйста!)
Ларёк цветочный пахнет крематорием.
А раньше свадьбами. А в детстве – жалостью.

II

В пейзаже городском ли, деревенском,
вписались в эту землю, как смогли.
В Ракитках, на Ваганьковском, Смоленском –
кто где – до воскресения легли.

То стужи на поверхности, то лужи.
И только душам не отмерен срок.
Всё шире город мёртвых. И всё глубже
оборванный когда-то диалог.

29 ноября — 7 декабря 2014

ОТРЯСЕНЬ

И тополь земец...

Велимир Хлебников

Отрясень в июле – с листвы,
а сентябрьский вместе с листвою
так вот и обдаст с головы
припасённой влагой лесною.

А в лугах – ого! – благодать...
Под промытым купольным кровом
весело себя воображать
хмурым адмиралом Шишковым.

Не стишки – слова сочинять,
сень да синь в реторте мешая,
тростью зеленя сокрушать,
вражий «Арзамас» сокрушая.

Но ведь что-то было и в них,
в сих старообрядцах бедовых.
Вольный велимировский стих
произрос на этих половах.

«Бортовые, пли!» И стучит
по стволам. Промок, ну так что же?
Отрясень? ...по-русски звучит.
...И при том с орясиной схоже.

1986–2014

ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ

Е. Р.

– Вам 25? Тогда поторопитесь.
Наверное до ста не доживёте. –

Георгиевский на распутье витязь,
замеченный в эсеровском комплоте,
он – первый формалист, он мастер жёсткий.
Он – Виктор Шкловский.

Моржеобразной внешностью повязан,
но прежде опоясан ОПОЯЗом.

– Хм. Тут такое дело. Маяковский,
что на́ дух не терпел дух кислых щей,
любил загадку с рифмой
о-по-я-сы-ва-ю-щей:

«КОнь ЧЁРный прыГАет в огонь».

Ага...

Вы правильно сказали.

Ко-чер-га.

Но если так и в «Слове о полку»,
Вернуться надо к «Слову о полку».

В какой журнал я должен написать?
Хм. В «Юность» Полевому?.. Вам не в труд
напомнить мне, как классика зовут?
Не знаете?.. Я, что ли, должен знать?!
Впечатаете сами... Хм... Не знает.
Опять в машинке буква западает. –

Я уползаю, натерпевшись сраму.
В единстве места, времени и действия
на улице промозгло и темно.
В метро припоминаю телеграмму,
отбитую из недр Адмиралтейства
на станцию с названием гулким «Дно»:

ОКРУЖЁН БРОНЕВИКАМИ ШКЛОВСКОГО ТЧК
ВЫНУЖДЕН СДАТЬСЯ ТЧК
ВТОРОЕ ТРЕТЬЕГО СЕМНАДЦАТОГО ТЧК

6–7 декабря 2014

ЛВ. Эту телеграмму Шкловский цитирует в своей «Энергии заблуждения». Главный начальник Петроградского военного округа генерал-лейтенант Сергей Хабалов смещён 27 февраля. Новым начальником стал генерал от артиллерии Николай Иванов. Штаб располагался в Адмиралтействе. Однако накануне отречения Николая II командующий уехал в Вырицу встречать царя. Шкловский о том не знает, но называет отправителем телеграммы не Иванова, а некоего генерала Хохлова, то ли первого заместителя командующего, то ли начальника штаба. Был ли такой, я не проверял.

МАГНИТОФОН «ЯУЗА». 1969

А поди попробуй, опиши
древней рифмой к слову «моложавы»,
как вбирал всей кожей души
песенку Булата Окуджавы.

За высоткой, в доме-корабле
на кольце асфальтовом Садовом,
«Яуза» на кухонном столе
обожгла мотивчиком бедовым.

В тех созвучиях, таких простых,
было всё – гроза, влюблённость, лето.
И была забыта ради них
девочка, поставившая это.

5 декабря 2014

СЕВЕРНАЯ ПЕСЕНКА

Вытекла нам выгода
С чистого листа –
Вытегра да Тигода,
Ладожка да Мста.

Солнышко немаркое.
Вокруг никого.
Платьишко нежаркое.
Лучше – без него.

1 марта 2017

ГРОССМЕЙСТЕР

Что остаётся от человека?..

Вадим Черняк

Что осталось от Вадика Черняка
кроме горстки горячих строк?
Ни магнитной бобины, ни черновика.
Изорвал. Размагнитил. Сжёг.

Был бесстрашен, но ужас его догнал.
На больничной койке накрыл.
И накрылся дырявым тазом журнал,
где поэтам он благоволил.

Не дописан роман. Родня, повздыхав,
устранилась. Пусто вокруг.
Что осталось? Шахматной клетки устав.
Вечный пат да квадратный круг.

Да ещё какой-то неясный звон –
отработанный материал.
Был такой поэт. Поэт-камертон.
Я себя по нему сверял.

4 декабря 2014

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Летит мой слон в далёкий путь.

Слониха плачет: «Не забудь!»

Дописьменное. Конец 50-х

Репетируют разлуку
расставанием на час,
на каких-то две недели...
(Вот как мы с тобой сейчас.)

А разлука свечкой светится,
шепчет Марье да Ивану:
– Нам не суждено не встретиться.
Жди-не жди, а я нагряну.

4 декабря 2014

ВЕЧЕРА С АЛЕКСАНДРОМ ВОЛОДИНЫМ

Дело не делается само...

Борис Слуцкий

Кто в 80-х был свободен
более, чем Александр Володин?

Прятала змея стальное жало,
но шипели прежние мытарства.
Четвертинка стойкость умножала.
Вечером и утром. Как лекарство.

Жаркий шёпот телефонной трубки:
«Дорогой мой! Я вас умоляю!
Только не идите на уступки!
Я туда ходил. Я это знаю.

...Лихачёв и Герман подписали?
...Приезжайте, если не устали».

И когда в стране беда какая,
не стеснялся власть обременить
тот, чья хата не бывала с краю.
Нету их – и некому звонить.

3 декабря 2014

ЧАЙ С ТОНИКОМ В МУЗЕЕ НА КРОПОТКИНСКОЙ

За антикварным столиком
в пространстве непространном
чаи гоняем с Тоником,
с Натаном Эйдельманом.

В окне фонарь качается,
с эпохой дело плохо.
Подмигивает, мается
болезная эпоха.

От мрака да от ужаса
лекарством горстка слов
да то ещё, что дружество
превыше, чем любовь.

От Пушкина и Пущина
протянута струна.
...Штандартами приспущена
за шторами страна.

Разнюнена, приструнена.
Но – теплится свеча!..
Вторую пьём – за Лунина,
Михал-Сергеича!

...Год восемьдесят первый.
Ну максимум – второй.

Был Эйдельман Минервой,
Кассандрой был порой –
громоздкий, неудобный,
бетховеноподобный.

Не тебе покойника.
Ему не всё равно.
Пей путинку без тоника
и не гляди в окно.

1 декабря 2014

ЛВ. Тоником друзья звали историка Натана Яковлевича Эйдельмана.

* * *

Всё зависит от порога боли,
от способности переступить
то, чему учили нас не в школе
и чему забыли научить.

Потакая буддам или меккам,
догадайся из любимых книг,
сможешь ли остаться человеком
в тот последний час, в последний миг.

23 ноября 2014

В ОБЫДЕНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Памяти Всеволодовны

Обыденский, когда-то Обыденский,
во время оно – полудеревенский.
Там вишневый, а не вишнёвый сад.
Дочеховский, постсталинский уклад.

Монеткою в окошко постучаться –
и нет тебе ни тягот, ни начальства.
А этот дом не твой, и всё же твой.
Родней родни, хотя и не родной.

Пока индиго газовой горелки
кофейные не переводит стрелки,
есть время до закрытия метро
гадать, где будет зло, а где добро.

Другие переулки – нет, не хуже
(такие же измеренные лужи,
такой же в подворотне Кабысдох,
страж сосуществования эпох):

Зачатьевский – химической ретортой! –
и Сивцев Вражек, дипломат упёртый,
и Резчиков, и даже Угловой,
увенчанный Бутырскою тюрьмой, –

ну хоть бы раз приснились! Позабыто
на гвоздике гремучее корыто
и коммуналки образцовый быт.

И только этот, полудеревенский,
Обыденский, когда-то Обыденский,
в скворешне нашей брошенной свербит.

1–3 ноября 2014

ТРИ СЕСТРЫ

Александру Кушнеру

Даром что кончилось лето.
Не согласились отцвесть
Мнема, Мелета, Аэда –
Память, Мышление, Песнь.

Выше любовных касаний,
тише аидовых вод
то, что поведал Павсаний
и утаил Гесиод.

О, эти Старшие Музы,
хтоники первострой:
вздумаешь плыть в Сиракузы –
вынырнешь под Москвой.

Меж Иппокреной и Летою
при окончании лет
Мнемой, Аэдой, Мелетой
день отвердевший согрет.

На пепелище Парнаса,
в скифской студёной избе
от упразднённого класса
напоминанье тебе.

4 октября 2014

* * *

И жили без особенных забот
(Несчастливо? Но это – дело третье),
Когда всходил над нами небосвод
В то утро, в первый год тысячелетья.

Невидимый рыбак шёл по реке.
Гнилушкою тянуло от причала.
Как сумасшедший с бритвою в руке
В тумане солнце низкое торчало.

И мы не знали в нищете щедрот,
В той коже обыденного зренья,
Что нас вот-вот накроет небосвод
На Ладогe, в Четвёртый день творенья.

10 июня 2014

* * *

От черёмухи до сирени –
через край
целый месяц теперь на арене
месяц май.

От свирели
до первой трели –
продолженьем бывшего сна.
Почему ж лады отсырели?
Потому что война.

6 мая 2014

БАЛЛАДА ОКОВСКОГО ЛЕСА

Волки, змеи, медведи!..

Брань кривичских баб

– Товарищ не без ветра в голове:
Знаток чешуекрылых и растений
Учительствует в Дубровках. (В Москве
В тот год шептались: Николаев – гений.)
Вельми учён, язвительно умён,
В деревне сеет просвещенья семя:
«...В оковском диалекте шесть времён,
Из коих три – продолженное время». –

Не розыгрыш, не дилетантский свист
Задорного какого прощелыги...
Привет, отшельник-компаративист,
Грызущий лингвистические книги!
...Первичный соблюдаем политес,
Истории спрягаем как глаголы:
«...И встал заступник Новгорода – лес,
Через который не прошли монголы».

«А почему?..» «На карту посмотри:
Зелёнкою легла полуподкова
От Полоцка – до самой до Твери,
А от Твери – почти что до Ростова.
Отечества развеянного дым
Приятен ли?.. («Медведи, змеи, волки!»)
Но этот дым надеждою сладим
Вдоль родников Двины, Днепра и Волги.

Оковский лес – расторгнутая связь,
Обрывок шестинитяной завесы.
Здесь русская частушка родилась,
Здесь бабушки уходят в поэтессы.

Оковский – поэтически таковский,
Отсюда Исаковский и Твардовский.
Да, кстати, загляни-ка в ПVL,
Где Нестор наш его запечатлел».

...Мостили гати, ладили мосты.
На всё-то – уповали – милость Божья!
...Теперь здесь зона вечной нищеты
И стратегического бездорожья.
Всех мужиков – на круг две-три души.
И шелестят по бабьим избам вирши
Опавшею листвой оковских «-ши».
«Откуда это -ши?.. » «А так привыкши».

28–31 марта 2014

ЛВ. ПVL – Повесть временных лет.

ЛВ. Стратегическое бездорожье. — В ранних 80-х лектор в тамошнем клубе разъяснил, почему к Дубровкам нет асфальтовой дороги: «Товарищи, как своим могу вам сказать. Партия и правительство решили объявить ваш район зоной стратегического бездорожья. Зачем?.. А чтобы враги бомбу на Москву не провезли». И пока народ онемел, ушёл за кулисы, поигрывая «спутником агитатора», то бишь штопором.

* * *

От бытия к отбытию готов...

Олег Хлебников

Бессловесные души собак и котов
В золотой оболочке молчанья
Воспарили поверх растопыренных ртов
И рычания, и величанья.

Ты ответь, свет-Григорий отец Палама,
Утолит ли небесная млечность
Те края, где молчальники сходят с ума,
Всё закольцевав бесконечность?

Иль молитва твоя воссияет в ночи
На Неве, на Днепре, на Каяле,
Где с три короба ивовых слов рифмачи
Наплели, навязали, намяли.

28 марта 2014

МЕТРОВКА

«...Несущим во гробé – живот-трава!»
Скороговоркой – истово и ловко –
Вышёптывает тайные слова
Матрёна по прозвищу Метровка.

Живот – трава. Так нынешних старух
Старинные старухи научили,
Поскольку о запахах пропал и слух,
А церкву, ту в тридцатые закрыли.

Но чтоб вскипала зелена-трава
Впрок по суглинистому косогорью,
Весенние законы естества
Предписывают кланяться Егорью.

«Чего ты говорила про траву?»
Поджала губы: «Да уж... Где уж... нам уж...
Не вышла ростом – и не взяли замуж.
А вот пока жива, – ещё живу».

28 марта 2014

ПРОГУЛКИ С СИНЯВСКИМ

Ночное небо Фонтене-о-Роз
В блужданиях по окрестностям Парижа.
«Так быть или не быть?.. Ну и вопрос...»
Звезда всё ниже. И ответ всё ближе.

Моргает светофора светлячок.
«И всё бледней огонь его холодный».
Вдыхаем воздух сладкий и свободный,
Не торопясь пуститься наутёк.

И перед тем, как распахнётся бездна
В сиянии расчисленных светил,
Припомни, что Донатыч говорил:
Писателю и умирать полезно.

27–28 марта 2014

**ВАНЬКА-МОКРЫЙ,
он же бальзамин огородный**

На пригреве тепло...

Арсений Тарковский

По коробкам расфасованы
Да по склянкам трёхлитровым,
За дощатыми заборами,
Под железным под затвором
Спят вершки и корешки,
Лета сладкого божки.

Вместе с ягодой-малиной
В почву канула роса,
Паутинкой журавлиной
Отлетела в небеса.

Озорник, завистник древний,
Тунядец и сорняк,
Первый парень на деревне
Не найдёт себя никак.

Не перед кем красоваться,
Стебель доблестный держа,
В одиночку погибаться
Не хватает куража.

Иней теплится на кронах,
Листопал сулит беду
Возле грядок разорённых,
В отлетающем саду,

Где под солнышком осенним,
Распалён не понарошку,
Ванька-мокрый брызжет семенем
На булыжную дорожку.

23–25 февраля 2014

РОЖДЕСТВЕНО

Кате, Егору и Мите Сёмочкиным

Над Вырою, над журавлиным Ирьем,
Шибая как глоток нашатыря,
Закатным оперением снегирым
Распластана январская заря.

Легко ли той лошадке мохноногой,
Впряжённой в дровни, ёлочку везти
По целине, что названа дорогой
В краю, где ни дороги, ни пути?

Из тёмного, из зарецкого леса,
Похрумывая снежным сахарком,
Бредёт, не проявляя интереса
К смурному мужичку за облучком.

Подальше от людей и от начальства –
На тот недолгий праздник бытия
По прутикам, расставленным нечасто,
На запах хоть какого-то жилья.

Особый путь: при чём тут птица-тройка
И голый лоб Олегова коня,
От коих на Руси крепчают только
Мороз, маразм да дедова броня,

В стране, где молью траченная вера
Расхитила и души, и слова,
Но конь Рыжко да та лошадка Верб
Явили нам поклажу Рождества.

10 февраля 2014

ЦВЕТОЧНЫЙ ХЛЕБ

*Сан-Санне Черновой, возвращая
ей же сочинённое слово «всесерый».*

Но тайная жива ещё отрада...

Ходасевич

Из тех, кто лично знал богиню Мокушь,
последнею крестьянкой на Руси
была моя прабабка Ефросинья.
Отца её, Зиновия, забили
кнутом (за что? за то, что не отдал
её сестру помещику в услуду).
В тот год как раз и Фрося родилась,
и отменили крепостное право.

Знахárка или знáхарка – не суть,
как станешь величать... Про Ефросинью
молва ходила даже в Молокове,
а тут, в Кузнецком, в Павловском, она
за неимением фельдшера была
и фельдшером, и повивальной бабкой
(ну, потому-то Куниной звалась).

Два сына сгнули на двух германских.
Но до деревни немцы не дошли
ни в тот, ни в этот раз. «Как выживали?» –
спросил я маму. Начала с соседей:
«Петро-овы были бо-огатеи. Мо-окушь
сама таскала им в амбары. Мы же
цветы толкли». (Понятно. Тот Петров
работал председателем колхоза.)

Лишь во второе лето фронтовое
открылось, что богиня ни при чём.

В тот день моя *кувыренная* мама
(так звали беженцев Второй Германской)
пошла за васильками. Их сушили
и добавляли в хлеб. От этих самых
цветочных караваев детвора
страдала животами. Голосили

на сумерках и в той избе, и в этой.
Но вновь цветы толкли. Ведь есть-то надо.
...И встретились на поле две девчушки –
одна с охапкой васильков, другая
(Петрова) с колосками. Заглянули
в глаза друг-друге. И похолодели.
Да так и разбежались навсегда.
И никому ни слова. (Это ж стыдно!)

Тот хлеб всесерый. Даром, что цветочный.
«...Ешь, ешь и не надейся на ебеж», –
так убеждала маму баба Саша,
её другая бабушка. А маме
в 42-м исполнилось двенадцать,
и слов таких она не понимала,
покуда в техникум, на акушерский,
не подала, вернувшись в Ленинград.

9 февраля 2014

ПЕКАРЬ АРСЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ОСИПОВ

Обнаружив в хлебнице заплесневелую сдобу,
вспомнил о маминим дяде Арсении Осипове,
первом парне в Павловском
Бежецкого уезда Тверской губернии,
местном философе,
лютом матерщиннике
и любимце детворы.

До революции он уезжал в Питер.
Выучился на пекаря,
но в городе не прижился.
Работал, как все, в колхозе,
а в июне ушёл и сгинул.

Лет через пять узнали,
что дядя Арсений не доехал до фронта:
похватили их, безоружных,
загнали в сарай и наутро сожгли.

А тот, кто про то поведал,
выбрался, приметив
в углу сарая отхожее место:

– Я же звал его, Арся,
давай поднырнём под сруб...
А он сказал: «Мне нельзя.
Я – булочник».

5 июня – 24 декабря 2016

6 ФЕВРАЛЯ

**Захарий Серповидец,
Фёдор Стратилат
и Блаженная Ксения Петербургская**

Задрапирован в ситец,
Овчину и онучи,
Захарий Серповидец
Глядит с ближайшей тучи.

В уныньи мало проку,
Но – Господи спаси! –
Библейскому пророку
Невместно на Руси.

Всё рытвины-ухабы.
А боле – ничего.
По всей России бабы
Забыли про него.

Зачем серпы кропили
Крещенскую водой,
Когда былые были
Позаросли бедой?

Где хмель теперь, где солод,
Где просветитель-серб,
С тех пор, как серп и молот
Вошли в бесовский герб?

Грядёт пора весенняя,
Да погребён уклад.
Куда же смотрят Ксения
И Фёдор Стратилат?

6–8 февраля 2014

ГЛЕБ НОВГОРОДСКИЙ. ЛЕТО 6579

Воспоминание у Тмутараканского камня

...Тот в Литве искал свою Изольду
И летал на облаке в ночи,
Ну а этот море мерил по льду
От Тмутараканя до Керчи.

А спустя три года в Новгородчине
Сел на стол на дедчине и отчине.
В то же лето голод приключился.
Ну и по весне волхв объявился.

Нашептал смущённому народу,
Что иссохла дедова земля,
Люто врал про волю, про свободу,
Веру христианскую хуля.

Отчего повыпиты колодцы?
Отчего в деревнях недород?
Новгородцы вы иль говнородцы?
Гостомысла внуки или скот?

Выплетал свои паучьи плутни:
Я, мол, бог... С богами не шути!
Де, сумею Волхов до полудни
Аки посуху перебрести.

Фёдор-поп да Глеб, ваш князь, виновны
В том, что недород плодов земных.
Ежели, словене, вы не овны,
Так пойдите и убейте их.

...И епископ кланялся впустую,
Роковые вымолвив слова:

«Кто за Спаса – станьте одесную.
И ошую, аще за волхва».

Горькой волчьей ягодой-крушиной
Раскатилось эхо средь земли:
Только Глеб с княгиней и дружиной
Под благословенье подошли.

И младенец на руках у мамок
Стих, почуя смертную купель.
Варевом усобиц и изнанок
Всплыл – со дна крамол – прокислый хмель.

...С пояса сорвал меч харалужный.
Отроку, не глядя, протянул.
И простоволосый, безоружный
К чародею, за черту, шагнул.

– Ведаешь ли будущее? – Ведаю,
Ибо завтра чудо сотворю!
– Ну а ныне? – Ныне отобедаю
В тереме твоём, куда проследую
Сразу, как с тобой договорю.

– Лжешь! – плеснула фибула гранёным
Самоцветом, а из-под плаща
Воронёнок в серебре чернёном
Выпорхнул, крылами трепеща.

Клюнул в лоб волхву... Не будет чуда...
И аминь. И мятежу – конец.
Кто-то молвил: – Знать ему откуда,
Что за пазухою топорец?.. –

И пошла кругами эта слава,
Мол, сразил невежу наповал,

Ибо щучью мудрость Ярослава
Святославов первенец приял.

И приблизились иные дали.
Лихолетье выло на дворе.
Вызревала Калка на Каяле.
Но текла Непрядва на Угре.

.

Поминая Лебедева Глеба,
Ярла, археолога, волхва,
Как велит кладбищенская треба,
Сопрягаю нищие слова.

Глеб любил порассуждать про Глеба,
Про того, кто море измерял,
Воевал Всеслава и нелепо
В Заволочье в западню попал.

Зачерствел на рюмке ломтик хлеба –
Многих тризн расхожий матерьял.

18–23 января 2014

ИВ. Деревня (древнерус.) – нива.

ХРАМ ХРИСТА НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА

**в Конюшенном ведомстве,
где в разное время отпели двух весёлых поэтов,
а 24 февраля 2013 Алексея Германа-старшего**

Петроградской долгоночью,
Повернувшей на весну,
Восковое многоточье
Узелочком затыну.

Знатно их принарядили,
Протащив до рубежа
В камер-юнкерском мундире,
В пиджачке полубомжа.

А Гекуба?.. Что Гекуба?
Или Царское Село?
Взвыли фановые трубы.
Полпланеты замело.

Но не всё ль равно – метели,
Или яблони в цвету,
Возле этой колыбели,
Заглянувшей за черту?

Ростепельный, непогожий,
День по крышам бил клюкой.
А вчера прощались с Лёшей,
Да в компании какой –

Здесь и Альфа, и Омега
От лучины до ЛАЭС:
От Григорьева Олега
И до Пушкина А. С.

2013 – 4 января 2014

ДИСПУТ

Марку Борнштейну

– Коротка оливковая сень,
Кратка и дружков твоих осанна.
Долог будет лишь последний день
На ущербе месяца нисана.

...Значит, по-еврейски назара –
Истина. Давай, соври про это,
Ты, кто врал толпе ещё вчера,
Назорей, болтун из Назарета.

Если чуда не произошло,
Есть ли смысл в свою фортуна верить?
...Что есть истина? –
Сказал: – Число.
У евреев это цифра девять.–

Монограммой начертил «I.X.».
– Так по-эллиньски, а так девятка
Римская... – Не робкого десятка...
Иудей... Но кто же без греха...

–...Ты царём назвался... – Ты сказал.–
Смотрит кротко, как пасхальный овен,
А гляди-ка – истину познал...
– Перед Римом этот не виновен! –

И уже у самых у дверей,
Холодком обдал сквозняк летейский.
– Напиши: Мессия. Назорей.
И еще пиши: Царь Иудейский.

16–18 декабря 2013 — 29 апреля 2016

ЖЕТОНЧИК МЕТРО

В Санкт-Петербурге солнца мало.
Дожди не знают проволочек.
Но ты однажды мне сказала,
Входя в метро: «Возьми желтончик!»

28 декабря 2013

ДОРОГА ВО ВЩИЖ

Всё аушки да аушки –
Копеечная Русь.
Присяду там, на камушке,
Но я тебя дождусь.

Алёнушки, Иванушки...
Но по снегу скребя,
Я посижу на камушке
И я дождусь тебя.

10 февраля 2006

МИЛЛЕНИАРЫ

Шурке, Кате и Тихону

И вот они вошли. Легки. Поджары.
Ещё не взрослые. Уже не дети.
Тихони звонкие – миллиары.
Антропоморфный стык тысячелетий.

Покинь экологическую нишу
Без прибамбасов и иных примочек,
Встречай как братьев Катю, Шуру, Тишу –
Сынов и дочерей сынков и дочек.

И заглянув в их будущее время,
И пожелав терпения и счастья,
Бубни себе в фейсбуке: здравствуй, племя!
Младое, но знакомое отчасти.

17 декабря 2013 – 7 марта 2017

* * *

*Дочери Александре Черновой,
актрисе и помрежу
на крымском «Гамлете»*

Рычащее «Не тронь вина, Гертруда!..»
Нам Дмитрий Крымов перетолковал.
Откуда взял?.. Должно быть, из-под спуда.
Прищурился – и в яблочко попал.

Что за жемчужина мерцает в кубке,
Гертруда знает. Опускает взгляд.
Но не идёт, как прежде, на уступки.
Спасая сына, выпивает яд.

17 декабря 2013

MON PORTRAIT

Из французских стихов Пушкина

Хотите видеть мой портрет,
Написанный с натуры?..
Мой друг, примите сей куплет
Взамен миниатюры.

Сказать по правде, я не стар.
И не кривя душою,
Не скрою, что ещё школяр,
И что не глуп – не скрою.

Но мир не знал таких вралей,
Ни докторов Сорбонны,
Что неумнее моей
Назойливой персоны.

Мой рост... В нём есть один изъян...
Но я не трушу, право,
Ведь я блондин, и я румян,
И голова кудрява.

Ценю я свет и светский шум,
Бегу от всякой скуки,
От праздных ссор, от мрачных дум,
Отчасти от науки.

Люблю балы, люблю балет...
А что всего сильнее...
Могу ли намекнуть?.. О, нет,
Мне не простят в Лицее.

Не тратя времени и сил,
Собою быть стараюсь:
Каким Господь меня слепил,
Таким и притворяюсь.

Проказник сущий, сущий бес
И обезьянья рожа,
К тому ж повеса из повес –
Вот Пушкин. Что, похоже?

1814

[Перевёл в 2005-м]

АФАНАСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ,
составитель и редактор Нового Завета

Мысленное царство тридевятое,
Вытопанное, потом распятое,
Скинувшее смертные вериги, –
Это царство-государство Книги.

Лишь пошёл на спад девятый вал
Казней, новых казней и арестов,
Двадцать семь новозаветных текстов
Афанасий благовествовал.

Трижды девять. Литерная мера.
Книжнику и парус, и весло –
Свод графем, что со времён Гомера
Значили и букву, и число.

15–16 декабря 2013

ПАМЯТИ ЗАВЕНА

Не требуя взамен
Утраченного втуне,
Живописал Завен
Петросыч Аршакуни

(О нет, не на словах,
Словами были краски!)

Толпу на островах,
Трамвайчики *на Ваське*,
И на Неве буксир,
И сто портретов Нины, –

Обóжен Божий мир,
Сойдя с его картины.

Нет, как ни посмотри,
Тасуя запятые, –
Армянские цари –
Ребята непростые.

И этот, ох, не прост
В простой своей заботе,
Подписывая холст,
Но – лишь на обороте.

14 декабря 2013
Новинский бульвар, 7.
Кафе «Хлеб насущный»

ГЛУХАЯ ИСПОВЕДЬ

Григорию Галичу

...а если покаянья не случилось,
И все твои потуги *внезачёт*,
Последнюю оказывая милость,
Чернец глухую исповедь прочтёт.

Он верит, что не овощ ты, но овен.
Не на одре – на алтаре сейчас.
– Виновен ли? – О, Господи, – виновен.
Помилуй и прости в последний раз.

14 декабря 2013

Арбат, 51

* * *

O+C

На траверзе негданной беды
И в тесном створе Сциллы и Харибды
За то, что принял правила среды
И не пренебрегал дарами кривды,

И наперёд верблюда лез в ушко,
И в небесах пустых, паря как птица,
Клевал конфетку «Птичье Молоко»... –
За всё за это надо расплатиться.

Полундра! Трое сбоку – ваших нет!..
И вовсе не система виновата.
«Виновен всякий, кто платил за свет», –
Так Лихачёв предупредил когда-то.

11–12 декабря 2013

КАЗУС САМОЙЛОВА

– Слаб я, человек... А во-вторых –
Кто я в сущности? И. о. поэт.
Первые погибли во-первых.
Не перебивай, я не про это.

...В послесталинские времена
Отмечали что-то... Я не пьяный,
Злой, как чёрт... И вдруг вошла она...
Рыжая... Представилась Светланой.

Где-то выл, хлопком взрываясь, лифт.
Звук, сравнимый с фугою фугаса,
Ежели в ночи... Знакомство. Флирт.
Пушкин. И ещё знакомых масса.

«Вы меня проводите?» «Легко!»
(Примечаю, что устои шатки!)
«Где живёте?» «Тут, недалеко.
На соседней лестничной площадке».

Дом на Набережной. Мощный бред
Иофана... Свет включать некстати...
Просыпаюсь... В полстены портрет –
Вождь. Конечно, с трубкой. Но в халате.

Сквозь окно – рубин кремлёвских призм.
Фрукты в хрусталах, как бы живые...
И тогда подумалось впервые:
Да имел я этот ваш марксизм!

Попрощались... Оттепель цвела
На дворе. Ну и по всей России.
Царь Никита бил в колокола.
Мумию ещё не выносили.

2013–2017

ПТИЧКУ ЖАЛКО

В нищете и умереть не страшно:
На подхвате тяготы не в труд.
Не простынут ни кутья, ни брашно,
Утлый скарб соседки разберут.

Извлекут припрятанную нычку –
Выпьют и всплакнут по мере сил.
Но замёрзнет на заре синичка,
Та, с которой крохи ты делил.

10 декабря 2013

* * *

Андрею Туркову

Лётчики стихов не сочиняли.
Им хватало глубины неба.
Моряки писали, но плохо:
море к рифме приревновало.
А танкисты сгорели в танках.
И оглохли артиллеристы.

Фронтовая плеяда – Гудзенко,
Слуцкий, Межиров,
Самойлов, Тарковский,
Окуджава, Фатьянов, Липкин,
Левитанский и Львов Владимир –
все из чрева русской пехоты:
на Парнас – в прахорях – из окопа.

11 декабря 2013

МВ. Прахоря. Так это слово у Бродского («На смерть Жукова»). Этимологии никто не знает, но лингвисты решили, что оно не от праха, от какого-то Прохора, или даже от одноименной мануфактуры.

РАБЫ НА ГАЛЕРЕ

От беды не отбожишься...

«Станционный смотритель»

Почитая казни полумерой,
Впредь не внемля ни добру, ни злу,
Параноик, правящий галерой,
Выбрал курс на ближнюю скалу.
Чем окончится прямая линия,
В трюме обсуждает молодёжь:
– Валим за борт, если руль заклинило...
– Далеко в железах поплывёшь?..

10 декабря 2013

* * *

Иной народ – иная даль.
На полном будто бы серьёзе
«Кто тут не скачет, тот москаль», –
Поют студентки на морозе.
Москаль, я дорого отдам,
Чтоб видеть: где-то за границей
Жовто-блакитною синицей
Лушит как семечки майдан
Наш древний страх мильонолицый.

10 декабря 2013

* * *

*Исторические аналогии суть
политические технологии.*

Из дневника

Се Праматерь русских городов
Прямо по майдану режет руну,
Раз примерно в тысячу годов
Воздавая должное Перуну.
Подступили жаждущей толпой:
– Поучи, бесчувственная чушка!..
Лик серебряный. Ус – золотой.
И хребет – раскисшая гнилушка.

10 декабря 2013

* * *

Феликсу Козну

Где не знаешь, – неведомо где
Средь обыденного ненастья,
Как янтарик в солёной воде
Просверкнёт это краткое счастье.
Из-под самых неистовых туч
Улыбнётся и зябко, и зыбко,
На закате последний луч.
И влюблённость. И просто улыбка.

10 декабря 2013

* * *

Выходил куда-то. Лет на тридцать
Отлучился от простой строки.
Стариков не стало. Те же лица,
Да не те. Мы сами – старики.

Холодно, а потому постыло
Было в слишком взрослом том краю,
Если б ты меня не возвратила
В юность опустелую мою.

6 декабря 2013

* * *

Нелеп, как пароход среди перронов,
«Собачья старость!» – говорил Аронов.
И громче прочих всех смеялся Берестов,
Заведующий стихотворных нерестов.

Мальчишками – накоротке с веками –
Едва переступив на третью треть,
Так и ушли, не ставши стариками,
Нас, стариков, оставили стареть.

5 декабря 2013

* * *

Вместе – ты да я, да мы с тобою,
Там, где нет ни моря, ни земли,
По ничейной полосе прибоя,
Рук не выпуская, побрели.

И не рыбы, но ещё не птицы,
Вместе – мы с тобою, ты да я,
Не умея перевоплотиться,
Длим пробег земного бытия.

Что с телами будет? Что с душою?
С тютчевской споткнувшейся строкой?
Только ты да я, да мы с тобою,
Да моя рука с твоей рукой.

Разве только лунною дорожкой
Повернём да – *инда побредём!* –
За промёрзлой ладожской морошкой
Вместе – ты да я, да мы вдвоём.

1 декабря 2013

БЕЗОБЛАЧНОЕ НЕБО

Борису Вишневскому

Душу вывернув, распотрошит
тот брутальный, батальный пейзаж,
где *ди эрсте колонне марширт*
и *ди цвайте колонне демарш*.

Не бессилие обессилит,
но в бессильи имеем в виду,
что *ди эрсте колонне* – навывлет
и *ди цвайте колонне* – в аду.

Вновь кострами взвиваются клоны.
Вновь ракета, как в песне, горит.
Выползанием пятой колонны
озабочен красавец Мадрид.

Дни безоблачны и небывалы.
И бушуют весенние палы
замещением мартовских ид.

24 марта 2013

ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ

Леонтию Войтовичу

Куда ни устремляешь очи –
Ни огонька по берегам.
Лишь кровенеют тут и там
Сорочки ягоды да волчьи.

Клубится варево ночей
То серое, то смоляное,
И солнце вязкое, стальное –
Бледней, чем даже блеск мечей.

Тебе давно за пятьдесят.
На почве датской в Дорестаде
Ты, что твой Гамлет, был нехстати.
Не спятил?.. Сам и виноват.

Сойди на берег. Оглядись.
Здесь крепостцу на славу срубишь,
Аборигенку приголубишь
И сына *сделаешь надысь*.

Найдёшь в потомстве торжество.
Таких как ты не время лечит.
Перелиняет старый речет,
И крепче когти у него.

Поспела ягода крушина –
И жжёт язык, и вяжет рот.
И остаётся наперёд
Испить из фризского кувшина.

27 июля 2008

* * *

*Спит пожарная охрана,
сдав техминимум.
Князь Пожарский спит у храма
рядом с Мининым.*

Юрий Смирнов

Для кого-то – дело частное,
А кому-то – злого злей –
площадь эта разнесчастная,
где земля всего круглей.

На брусчатке яма вырыта.
На брусчатке хлеб не рóдится.
И опять просить за Ирода
запрещает Богородица.

8 декабря 2014 – 27 марта 2017

* * *

Ты прохожий, ты несовершенный,
Помощи и радости лишённый,
У часовни Ксении Блаженной
Брось свой грех, ещё не совершённый.

P. S.

*Вернулся зámетро.
И рухнул зámертво.*

Марк Борнштейн

...про что ещё? Про то, как мне везло,
а если не везло, то выносило
туда, где даже время не текло, –
хлестало в щель прогнившего настила.

И так ли интересен тот рассказ
про твой унылый пионерский лагерь,
где в нужном месте, в нужный день и час
все беды отводил рукастый ангел?

Про то, как леденит нож под ребром?
Как в камнепад ты спасся еле-еле?
Как лайнер молнию задел крылом?
Как волки в Селижарове не съели?

Как находил друзей, где не найти
не то что друга, даже и знакомца?
Как с лучшим другом разошлись пути?
Как ненависть дочерывал до донца?

Или про то, как вынесли вопрос
про Петербург (ох, родина-Россия!)
и в Ленинград, ты в нём родился, вёз
письмо от патриарха Алексія?

А после путча – мордюю об стол.
Не спрашивай, откуда ветер дует.
Могилу декабристов ты нашёл.
Но победил-то подполковник Дубельт.

Мы указали прошлому на дверь.
Оно ж пережидало где-то возле.
Что ж, пожалел подонка, и теперь
платить до гробовой, а то и после.

Отведавший небесную кутью
у Катерины Трубецкой в Иркутске,
лишь полторы минуты был в раю.
Но вышел вон, не выдержав нагрузки.

10 февраля 2015

II

КРАСНАЯ ГОРКА не то чтобы была

И вышел другой конь, огненно-рыжий...

Откр. 6:4

Вперёд, вперёд, моя история!

Лицо нас новое зовёт.

В пяти верстах от Красногорья...

Пушкин

1

Его сосед, Прокудин-Горский,
На цвет снимал те берега:
Песчаник карстовый ижорский,
Да мельница, да ельник жёсткий,
Да сукровичная река.
– Вот тут жила Баба-Яга. –

Когда б не эта грань обрыва
Багровая, была б легка
Сферическая перспектива
Тройного диапозитива...
Безоблачные облака...
–...Не вздумай показать царю.
Нет, я серьёзно говорю!

Запечатлеть живые краски
Не в силах фотообъектив.
Тут кисточки нужны да краски...
– Езжай, этюдник прихватив!
– Да где ж нарыл ты этот страх?
– За Сиверской. В восьми верстах. –

2

Ну и поехал наудачу.
Сначала раз, потом другой.
А после снял пустую дачу.
(Весь месяц в Питер – ни ногой!)

Когда ж истаяли излишки,
Накрасил в несколько часов
Портрет дворянского мальчишки
На фоне красных берегов:

Высокий лик со взором ясным.
Полуулыбка на устах...

Отец, экс-депутат, был «красным»,
Сидел три месяца в «Крестах».
И вещим пламенем объят
Его иконописный отрок...
А с маменькой случился омрак:
– За что ж это Володю – в ад?
– Еленывановна, он – над!..

Хозяин хохотнул. Смутился.
(Двадцатый век. Десятый год.)
Но с живописцем расплатился,
Как говорится, – от щедрот.

3

Медвежий, кадмиево-рыжий
Загашник северных щедрот
Экологической нишей
Прозаик здешний назовёт.

Вне Палестин и прочих Сирий
Расцвёл ингерманландский Вырий.

Сюда в минувшие года
Весенним днём прохладно-длинным
Тянулись клином журавлиным
Из Петербурга господа.

В реке и хариус, и жерех,
И разнопрочая форель,
А над рекой – Крамской и Рерих,
И передвижников артель.

Не на рессорах и резине
Здесь Ярошенко изучал
Ту местность, что открыл Трезини,
Когда по родине скучал.

Бессмертные на акварели
Не выцветали иммортели,
И цепкий шишкинский зрачок
Проник в кукушкин башмачок.

Но припадая к бескорыстью
Альваров (каменных лугов),
Никто так и не тронул кистью
Заклятья красных берегов.

4

От той поры прошло два года.
Художник съехал на юга.
Поживописней та природа,
Покруче прочих берега.

И записал большущий холст
(От пола аж до абажура) –
Каурый коник в полный рост,
Верхом на нём племянник Шура,
Провинции хвалынской цвет,
Крепыш, хотя и не атлет...

Вообразил, как Бенуа
Скартавит Баксту в лад: – Уа!
Хвала коню и человеку,
Что вместе пееходят еку! –

Повёз картину в Петербург
(До вернисажа две недели!)
И на вокзале слышит вдруг:
– Кузьма Сергеич?.. Нужели?

– Владимир Дмитриевич! Вы?..
– А этого не узнаете?
Стал выше на две головы.
И обе, знаете ль, в полёте...–

Едва признал. Худой, как глист,
С лицом надменной знати нашей
Тот самый отрок, гимназист.
Тот самый ангел, только падший.
Ну и стоит вперёд плечом.
Поговорили ни о чём.

И только после, в мастерской,
Когда перебирал бумаги,
Прошибло пополам с тоской:
Вот всадник для твоей коняги!

Но конь не в масть. И масть – не та.
Краплёной оказалась карта.
Пробормотав «начнём со старта»,
Отъял подрамник от холста.

Каурого коня – в огонь.
Сюжет заимствованный – в топку.
...Тот берег – это красный конь.
Писать. А после выпить стопку.

5

Что было дальше? Был успех.
За ним – забвенье на полвека.
И этот красно-красный снег,
На бледном лице человека.

Здесь, как писал один пиит
Про смерть соседа-генерала,
«Энциклопедия молчит,
Как будто крови в рот набрала».

Идём к тому же рубежу,
И значит, не важны детали.
Откуда знаю?.. Не скажу.
Сороки в Выре нашептали.

Нальём и мы. За хищный взгляд
Не столяра, так живописца,
За тот песчаник, что родился
Полмиллиарда лет назад
И в пушкинской строфе сгодился,
За полку книг, за тихий сад,

За то, чтоб сгнула грызня,
Не возвратилась та история
Купанья красного коня
И Оредежи красногорья.

14 февраля – 19 мая 2014

PS. Снимок «На р. Оредежь близ ст. Сиверская С-Петербургской губернии» сделал Александр Александрович Евдокимов, сотрудник Прокудина-Горского. «Снято при заходящем солнце в июле, в 7 ч. вечера» (Журнал «Фотограф-Любитель», 1906 г., № 7).

Факт знакомства Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина и Сергея Михайловича Прокудина-Горского биографам неизвестен. Нет сведений и об их контактах с Владимиром Дмитриевичем и Владимиром Владимировичем Набоковыми.

БЕЛАЯ ПОЭМА

В тот день была объявлена война.

Ходасевич

1

Стоять, ты наш зелёный, стоять,
стоять, браток... Вот эдак и поймать
себя воспоминанием на стыдном
сюсюканьи, почти совокупленьи
с таким холодным и таким не женским
предметом, дурно пахнущим соляжкой.

Застать себя в двух метрах от стены
хрустально-идиотской, в белом прахе
бетона, среди груды мокрых досок,
каких-то арматур. Узреть себя
внутри костра, поскольку отраженье
как чудо в том нетронутом стекле.

Пристрастнее, чем сорок тысяч братьев,
и безнадежней дряблого персека
над телом комсомолки, и скромнее
растителя Лолиты, и быстрее,
чем в том году (ты помнишь?) случилось
у нас с тобой под дождиком таким же,

теперь под бу-бу-бу-бу Б. Курковой
застать себя оглаживающим
символ совка – так искренно, так нежно –
в толпе, но кто заметит? Столь мгновенно
прикосновение пальцев к телу танка.
Родименький, зелёный, стоять!

2

– Ну да, пройти они по нам пройдут,
но будет склизко... –

Перед баррикадой
возник какой-то попик с депутатским
значком на рясе, со своей кастрюлькой
в кульке из прогрессивного издания
и с ложечкою, точно доктор.

– Все
здесь православные? – И хором: – Все,
все батюшка. – Все причащаться будем?
– Все, батюшка. – Вот так сложите длани
и оглашайте имя.

– Так-так-так –
кварталах в двух одобрил пулемёт.
И потянулись, складывая руки
Андреевским – по очереди – смертным
крестом: Артемий, Александр, Василий,
Аркадий, Айвор, Янис...

Почему-то
тут пулемёт заткнулся. – Перекурим! –
скомандовал афганец. И впервые
ему не подчинились.

3

Командир,
ты закури, когда вода стоит
не только что в кроссовках и карманах,
а даже в пачке «Явы». Лишь стальные
пруты покуда отторгали влагу,
и та, змеясь, лоснилась и искрила
в прожекторных клубах. И отползала
к невидимой реке. Одни глаза
да кулаки, приросшие к железной

лозе внутри сухими были. Так
в канун Преображенья на Дунае
змеи избивают. Ежели гадюка
семь лет сумеет пролежать под плахой,
она вползёт на камень, а сползает
уже драконом. И займётся лес,
и льды в горах обуглятся.

– Вниманье,
мы ровно-ровно дышим! – репродуктор
стебался, но по делу, – оставаться
всем на местах. Сейчас опять полезут
от Пресни... –

Бело-бело-белый айсберг
покачивался, быстрорастворимый,
как рафинад в стакане. И у стенки
полковник, по всему южанин, вспомнил,
как брал его отец смотреть на снег.
– Кто был ничем, бывает, и летает, –
и отшатнулся, будто бы ужален –
на, отсоси! – и теми же губами
сведёнными, – не может быть, чтоб Бога
настолько не было.

4

И рассвело
так неправдоподобно быстро, как бывает
лишь в детстве в планетарии. Зрачок
ещё не различал цветоделенья,
но был ли в это утро мир цветным,
я не уверен. И на том спасибо,
что он покуда был.

Мутилось небо
московское дождями. Метромост
волок за электричкой электричку
на ту войну, где русские по русским

опять стреляли. (Ох, глядел, как в воду,
тому лет девять Толик Головков,
арбатский миннезингер.)

Но уже
в своих непыльных фетрах комиссары,
вскрыв сейфы и опрастывая чрево,
склонялись над фаянсовым очком
и как кольцо наотмашь рвали воду,
и старый маршал, слушая куранты,
решался – нембутал или окно?

5

И уходили в день, хотя просили
из репродуктора: не покидайте!
Бестрепетно, почти и без усилья
крест проставляя и на этой дате,

и выходили в ночь во вторник, в среду –
три смены отстояли. И добыли
себе свободу, а вождам – победу.
Но тут, как говорится, – или-или.

Август 1991 – август 1992

ОСТРОВ НА ПРИБРЕЖЬИ

долгая повесть

тошно так –

Пушкин. Проба пера.

Тетрадь ПД 838, лист 75

(по жандармской пагинации)

1

А чтобы не забыть – поверх могилы
стихи про голодаевский бордель
и фельдшера вульгарная латынь –
рецепт от гонореи. Будто знал,
что будут рыть в бумагах, а ещё
пошлют на экспертизу. Академик,
латыш, светило красной медицины,
даст заключение, де не устарел,
но доза не прописана. Засим
10 ему провизор выставит брезгливо
копайского бальзама, алкоголя
в растворе померанцевой воды:
ноль-три, ноль-пять, ноль-девяносто пять –
глотать, поскольку стыдно запускать.
Болезнь не стыдно – запускать нельзя.
Сначала станут уставать друзья:
ну что, нашёл? И с видом идиота:
ага. А что? Лекарство от болезни.
А кости? кости?.. Я копал архивы.
20 Потом забор некрашенный, две ивы
и ветхий домик... А ещё сличить
с другой страницей тот же самый профиль
скалы на берегу варяжских волн,

вертлявый чёлн... Нас тоже было много,
не меньше, чем на площади у них,
а что осталось? Этот в референты,
тот за бугор (ни жизни, ни легенды),
а я в архив, и двери на запор.

Итак, – Россия. Лета. Литорея.

30 Зачем за шторкой синий Мандельштам
косит на Вересаева? Бодрее
карабкаемся к самой кромке, там,
где образец, одушевлённый в школе,
расстрижен ради красного словца,
и в ржавых пятнах проступившей соли
на фраке, на кирасе, на камзоле
чуть золотится прошлого пыльца.

Что стоит Гений в жизни?.. Три червонца.

40 А в супере?.. Придётся поискать
в книгообмене... А нельзя ль занять
того знакомца вашего, японца?..
В торгсине? Неудобно, н-да... А в лавке
у Киры Викторовны? Нох айн маль!..
Там есть две-три купированных главки...
А если ксерокс?.. Жаль. Чертовски жаль.

Что стоит смерть? Сначала просто дата
падения Бастилии, но год

50 родной, сибирский. Слово ренегата
грассирует, срываясь запятой,
а разберёшь по петлям, вроде Gopar...
Какой там гонор! Сунутся в тетрадь
и крякнут. (Дубельт скажет: и крестьянки
любить умеют? Модные проказы
на лоне?..) И для верности – рецепт
на, вот возьми! Что, репка? А потомство,
потомство разберёт.

Не приведи

сойтись накоротке с черновиком
его болезни. Если гений – норма,
60 он норму перебрал в 26-м,
пугали вытрезвилкой, психушкой,
потом похмелье – плаха – пистолет –
топор – Андрей Шенье – нож гильотины –
тесак армейский – дырка – ключ от дверцы
его покоя. Не спирт в припадке
медитативном, он не приручал
потустороннего, но как Евгений
(не этот – тот!) казался неуместным,
шёл площадью и руку прижимал...
70 А мы другие...

2

Впрочем, вот сюжет:
три брата, греки, видимо, торговцы,
островитяне... Только мочи нет –
их режут и стригут (они ж не овцы!),
и вдруг эскадра – рыжий граф Орлов
витийствует под флагом Византии...
Подумали да наломали дров,
когда в султана брандер запустили.
И тых, и пли!.. Но русские ушли,
80 а турки тут. Тут братья приуныли,
потом оставшиеся корабли
оставшимся товаром загрузили
и вслед за ветром тоже проползли
в пролив, а там без пушек, как без визы,
вот и отдали всё, что снять могли –
с плеча кафтан, а с чудотворной – ризы...
...Прошли! И Афанасий, старший брат
из братьев Гонаропуло, царице
сумел всучить чувствительный доклад
90 об иммиграции из-за границы.

Затем назначен чем-то при дворе,
поскольку был внушительный мужчина
(кто оценил бы это при Петре?),
и вот помимо звания и чина,
взамен отеческого островка
пожалован (да подавитесь, турки!)
таким же точно, только в Петербурге,
близ Голодая, где Нева-река.

3

100 У взморья на побережье Голодая
стоял почти артиллерийский гул,
когда в волнах балтийских пропадая,
один чиновник чуть не утонул.
...А получилось глупо: утро было
безоблачным, молочная река,
казалось, не текла, а лишь скользила
наперекор теченью ветерка,
зато лучи слоились торопливо
да отраженья спицей и крестов
стекали вплоть до самого залива,
110 размножены устоями мостов.
И даже ангел был как настоящий:
он разомкнул хрустальный этот ларь
и в плоской глубине зажѐг дрожащий,
волшебный, но вполне цветной фонарь,
навевший Венецию иль Ниццу
тому, кто погостил и в тех гостях,
покуда изучали мы таблицу
погоды в «Биржевых ведомостях».
120 В июле восемьсот двадцать седьмого
отменно сухо и весьма тепло...
Вот-вот пойдут пожары... Бестолково
российское устройство, всё хреново,
а и с погодю не повезло.

Отложим раздражённое стило...
Алло... Да, я вас слушаю... Алло...
...кто говорит? ...какому очевидцу?

4

А мне опять на квас и чечевицу,
когда бы он и вовсе там утоп?
Им, коли не по ним, – так в заграницу.
130 А то за саблю – да и пулю в лоб.
А нам нельзя. И барин-то не строгий,
туда, мол, я один, а ты смотри
извозчика, да по кружной дороге
приедь за мной и лодку забери.
Мол, знаешь ли где Греческая мыза
за кладбищем?.. Мы здешние... Ну, слазь.
...и кто же ожидал того сюрприза?
Чуть пушка бух, – и буря поднялась.
А там коса, совсем гнилое место:
140 канатка, бойня, ямы для скота,
и берег там у берега, как тесто –
бонжур из-под коровьего хвоста.
А без привычки да ещё на лодке –
накроет, как гранатой, – и готов,
когда не знать подхода – посередке
протоки у избушки рыбаков.
Бегом до этих самых гунуропул...
Какие рыбаки!.. А так продрог, –
от страха на порог и грудью об пол
150 от страха тоже – ты живой, сынок?
А он: и я бы мог, и я бы мог...

5

Зачем они стояли в декабре,
как мальчики пылая и робея?

Зачем тогда построились в каре
вокруг Петра? Была ли в том идея
восстания? Повстанец-молодец
идёт на площадь, чтоб ввязаться в драку
и прёт на приступ: крепость ли, дворец –
ему какая разница? – в атаку!

160 Стояли час. И два. И три. И пять.
Прошли сквозь Зимний и сейчас отдали.
Ещё не поздно было начинать
révolution. А всё-таки стояли
напротив оробевшего врага –
чего стоят? – почти на самой кромке
разумного. Калёная пурга
лизала плоским пламенем позёмки
их сапоги. При чём тут Трубецкой?
170 При чём тут сколько? Много или мало, –
каре не атакует. Это строй
для обороны. Пуля в генерала –
ещё не довод. Присягнул Сенат,
и поздно, поздно... Экая дешёвка
палить в своих, когда стоит парад
свободы, или, скажем, забастовка
военных. Так в 20-м, в октябре –
семёновцы... А если длить примеры,
ещё при Алексее и Петре
в своих скитах стояли староверы.
180 Горели, но стояли. И металл
крестов нательных прожигал скрижали.
Так Гефсиманский Праведник стоял,
когда легионеры набежали.

6

Прибрежье. Опрокинутая лодка.
Прошедшей бури грязное бельё.
О чём он думал? Отчего неловко

190 За гения домысливать своё
и возводить под крышу комментариев,
в котором всё расчислено стократ
(а наши сны, сухие, как гербарий,
на общее посмешище торчат).
Ни дождика, ни вольного волнения
на глянцевах полях «Временника»...
А может, нас страшит сопоставленье
с той высотой, что слишком высока?
Считать колючки на венце терновом, –
скажи, зачем? А то, войдя в права,
уже остепенённым пустословом
открыть, что Пушкин – это голова...
200 Себя он строил, новый Долгорукий,
по плану. А ещё стихи писал.
...неужто меж истерикой и скукой
пройдём, как между тех античных скал?

7

15-го утром (что ж так душно?)
записка Соболевскому. (Ответь,
где слов занять, когда утешить нужно?)
Мать умерла у друга. Смерть как смерть,
обычная... Письмо не получилось,
а почта в полдень, надобно поспеть,
210 Серёжка плох – то ангелы, то черти
ему поют. (Чертей, как есть в конверте,
согласно воле автора – в огонь.)
...Потом к Сенату, где петровский конь
грызёт позеленевшую уздечку,
напружился и замер: шпорой тронь –
как заводной махнёт и через речку
и – по прямой – до взморья, до скалы,
где пеший Пётр в безумном озареньи
увидел город свой, где пенились валы

220 и чей-то чёлн изнемогал в бореньи.
Но стыдно пересказывать стихи.
Стихами же – тем более негоже:
не плагиат, а не сварить уши
из вяленой метафоры. И всё же
оглянемся на площадь: вот Сенат,
он был под самой крышею украшен
Весами Правосудья. Говорят,
когда на зорьке высыпали наши,
230 кто был порасторопней, из низов,
сюда для обозрения взобрался.
А пушки били вёрхом. И с весов
торчало человеческое мясо.
Левее – царь на финском валуне,
Исаакий монументом долгострою
(поскольку прежний был на плывуне
да так и развалился сам собою).
Ладьёй на фланге знаменитый дом
Лобанова. А там свободным полем
назад к Сенату. И возьмём конём.
240 Он по прямой не может, а глаголем
бьёт даже крепость. Шах. И снова шах.
И не указ плешивый и усатый
простывшему на этих площадях,
под сквер задрапированных цитатой.
Ему-то что? Знакомые места.
А площадь даже чересчур знакома,
и там, где никакого нет моста,
пойдёт себе до Пушкинского Дома,
решившийся, пересечёт черту,
250 и отряхнёт летейское томленьё,
и с мужиком столкнется в порту,
и поплывёт в известном направлении
под всполохи негаданной грозы,
пробормотавшей орудийным басом
о том, что бутафорские весы
вновь загрузили человечьим мясом.

16-го дождь не затихал
до темноты. Взамен прогулки – прочерк.
Зато он прямо с ходу записал
260 стихотворение в пятнадцать строчек.
Кто заглянул в его черновики
и в буреломе правки чертыхался,
признается: легенде вопреки
он лёгкостью пера не отличался.
Но потому-то гений и велик
и в том его отличие от таланта,
что лезет к абсолюту напрямик,
не соблазнясь полушкой варианта.
270 Каким бы гладким ни казался он,
каким бы ни был крепким или броским, –
как будто формулирует закон,
открытый для полёта Циолковским.
А что? Видать, от века такова
нехитрая, но тайная наука
в строке аккумулировать слова
посредством чувства и посредством звука.
Ступень сгорает – вот и черновик.
А варианты множат ускоренье.
280 ...он попытался править, в этот миг
едва не загубив стихотворенья
весьма простого. Вот и у Шенье
в элегии почти что и об этом:
одна компания в одном челне
плывёт, увлечена одним сюжетом,
вдруг – вихрь, все гибнут, воет Аквилон
(всегдашняя реакция на бурю),
и только тот, кто спереди – спасён,
расхлёбывает не тюрьму, а тюрю,
и разведя толикою слезы,
290 он примеряет впрок венец вилюйский,
поскольку обручились две грозы

одним кольцом – декабрьская с июльской.
...кто был повешен – утонуть не мог.
А он бы мог. Вчера хотя бы. Впрочем,
не утонул, и, может статься, срок
повешенья не минул, но отсрочен?
А строчки... Хорошо бы их в печать
под звёздочкой сигнальной анонима
да поглупей название сыскать
и мимо Сциллы и Харибды мимо –
300 в набор. Но совпадение каково!
Оскаленный утёс, именье грека,
ещё дельфин... Откуда?.. Как его,
того поэта из VI века?
...корабль захвачен варварами, он
на берег вынесен разумным зверем...
Ещё звезда такая... О-рион?
а может – А...? Ну, в словаре проверим.

9

Пиши да выраженья выбирай.
310 Мы не чета французам или туркам,
Ich bin – сама народность...
Николай
был, подражая бабке, драматургом.
Перебираясь в Царское Село,
на лоне незначительной природы
он громоздил завистникам назло
почти державинские обороты.
Он в людях понимал и в лошадях,
Но где тот зал на сорок миллионов?
320 И он играл на римских площадях
за неименьем римских стадионов.
И распушив гвардейские усы

и домиком остзейским сдвинув бровки,
писал (порою, да, не без слезы)
что? – всенародные инсценировки.
На среду: взять от каждого полку
по взводу их да по две роты наших –
в одно каре (каков педант!) – к носку
носок – и на колено. В память павших
330 читать на литургии литию
по убиенным за царя и веру –
уж если ограничился пятью,
блуди себя. Придраться к офицеру,
четвёртого в шеренге наградить,
а, впрочем, лучше третьего. Тогда же
митрополиту площадь окропить,
императрице ехать в экипаже –
клин клином – возле статуи Петра
орудья с передков и непременно
340 всем строем троекратное ура
кричать в честь избавления от плена
крамолы бунта. А на вторник то,
что будет посильней, чем все премьеры,
все ваши бенефисы... жаль, никто
его там не увидит... для примера
конечно бы не худо наблюдать
и самому, но это неудобно:
у нас под петлей любят оскорблять.
С них станется. Он расписал подробно
350 куда, кому, и вслед за кем, и как,
и как прибить табличку с именами,
но тут Сперанский влез: нельзя никак
табличку! Почему же? В каждом храме
такая... Ну и что?.. Ах да, Пилат...
Гляди, куда каналья намекает.
Чуть увлечёшься – каждый попрекает.
Тем лучше. Пусть инкогнито висят.

360 Что значит жизнь, когда отворена
 и хлещет на булыжник, как из жерла?
 Какая там заря, когда цена
 за поражение – даже и не жертва,
 а только унижение. При всей
 возвышенности цели в перекрёстных
 допросах выгораживать друзей,
 и выдавать других... И старцев постных
 просить о снисхождении, потом
 сознаться в преступлениях, в которых
 ни сном, ни духом, но стоять на том
 и утверждаться в самооговорах.
 370 А тот: не ведаю... не говорил...
 не вовлекал... Мальчишки, аматёры,
 они сойдут, но если хватит сил,
 сойдутся бородаты и матёры.
 Один опять возьмёт под козырёк,
 а тот ему в ответ земным поклоном...
 За что? За то, что в Общество вовлék
 и этим спас, когда я был зелёным
 юнцом... И, вероятно, не у них
 нам спрашивать, в чём всё-таки причина,
 380 что минет век, и посреди живых
 такая заведётся бесовщина,
 такие типы... Что там Николай?
 Он был весьма интеллигентным немцем.
 Умоемся кровищей через край.
 И оботрём кровавым полотенцем.

Но это после. А в 28-м
 в кругу друзей поэт предал огласке
 забавную историю о том,

390 как ездил чѐрт в извозчичьей коляске.
Московский литератор В. Титов,
приятельских не преступая правил,
списал её для «Северных цветов»,
а он благословил, но стиль поправил.
И мы введѐм в четырёхстопный стих,
(фраппируя переводною позой)
то, что однажды у Карамзиных
поэт поведал нарочитой прозой:

12

400 Кому случается гулять кругом Васильевского острова,
в пути не мог не наблюдать противоречия серьёзного
меж южной стороной и той, которая нетерпеливо
вдаѐтся длинною косой в дремотные ряды залива.
По мере приближенья к ней узор украшенных камней
редеет. Пышные строенья сменились хижинами. Но
и те отстали. В отдаленьи едва проставлено пятно зелёной
рощи, а вокруг лишь пустыри да огороды и топкий, как
болото, луг сползает в пасмурные воды. В уединеньи
одичалом последнего из всех домов меж возвышением
и валом волнуется заплывший ров. Что в нём? Репейник
да крапива. И летом невесѐлый вид. Но ещё более тоскливо,
410 когда зима преобразит всё взморье. И ледок озноба,
и ров, и домик над скалой – укрыты саваном сугроба
и скованы могильной мглой.

13

Могильной мглой?..

Моги...

Что здесь теперь?

А ничего – промышленная зона.

Флотатора заделанная дверь,

избыток фона – дефицит озона.

420 Чуть сбоку – не гляди, что неказист,
раскинулся величественно-просто
краснокирпичный комбинат «Марксист»,
шорнокожевенное производство.
И, полно-те! – какая там скала,
какой там грек (ещё скажите – эллин!),
чудны твои, о Господи, дела:
где утонул челнок – вознёсся эллинг,
сиречь судостроительный сарай –
вот славного сближения образчик,
сравненье, как его ни подбирай,
430 а на поверку – заурядный ящик.
И тут не то что Пушкину – куда! –
Ахматовой пейзажа не узнать бы.
Прошли года и выдохлась беда.
Осталась скука да кошачьи свадьбы.
Да вот ещё: клочками пустыри –
разбухшая береговая кромка,
кирпич-железо-щебень – метра три
культурный слой культурного потомка.

14

440 Конечно, император не Пилат.
Вот так и выдать мёртвые тела
для погребенья родственникам? – дудки!
Невольник доли, в чём-то либерал,
он всё-таки пока в своём рассудке.
Он помнит: подпоручишко, щенок,
затеет с флигель-адъютантом драться,
под пулю сунет жиденький висок –
и поделом! – ещё при жизни братца
такое было, ну а что потом?
450 Потом они потребуют собраться
на кладбище. Четыреста одних
карет. Переверни – и баррикада,

за гробом как-никак проходит цвет
крамолы... Нет, нам этого не надо.
Венки да речи, слёзы да стишки,
клянёмся честью, мол, и всё такое –
на, выкуси! – всех пятерых в мешки
да в извести поблизости с рекою –
и заровнять.

460 ...Ну кто виновен, кто
знал, что в срок откроется и это,
когда войдёт в расстрелянном пальто
немая тень беспечного поэта
и позовёт.

И счастье, что она,
вдова, гадая, где его могила,
в его вину поверила сполна,
не к жертве, а к герою приходила,
и где другая у немой черты
цветы сажала, место примечая,
470 она рвала могильные цветы
и шла сквозь город в гроздьях иван-чая.
Вы с рынка, анандревна? Ваш букет,
он вам к лицу, заметим по-старинке, –
опять-таки поклонники?.. Ах, нет,
мы промахнулись – всё-таки на рынке?
На берегу пустынных волн. И тут
как громом: говорил тебе когда-то,
гляди – во глубине сибирских руд –
по интонации самоцитата.
480 Кто это, муж? А может, Мандельштам?
Гляди, гляди, аукается славно:
на бе-ре-гу пу-стын-ных волн – а там
во глу-би-не си-бир-ских руд?.. Забавно,
к чему бы вдруг? И поздно, как во сне,
увидеть всё... О Господи, как просто:
на берегу, потом во глубине,
и тоже без креста и вне погоста.

Так, значит, то и это – это здесь.
И как ни холодно, как ни постыло,
490 а всё-таки придётся впрямь и днесь...
И выжить, и сказать, что это было.
Ей в ад сойти – привычно, как в метро.
Облаяли? Такую не облаешь.
Перо не шпага – потому перо
над головой – захочешь – не сломаешь.

15

Когда бы мы затеяли роман,
здесь, непременно звонко брызнув шпорой,
явился б лейб-драгунский капитан,
тот самый Гонаропуло, который
500 в который раз мелькает за дверьми:
чего же тянет автор, чёрт возьми!
Да-да, войдите. Почему бы нет?
Спешат слова на строчку нанизаться,
вплетя в беллетристический сюжет
живой портрет парадного мерзавца.
Что значит служба? Служба есть талант
поймать приказ да обернуться быстро.
Он был талантлив, этот адъютант
Татищева, военного министра.
510 Шестёрка, но козырная... Дружок,
вели спасать Российскую державу:
тут приготовят с мясом пирожок,
а кушать полицмейстеру Дершау.
По мне бы проще в крепости во рву,
да рядом усыпальница с царями.
Другое дело, ежели в Неву –
как говорится, в воду и с концами...
Опять нельзя: а ежели всплывут?
А с грузиком?.. А ежели случайно
520 подденут бреднем? – и пойдём под суд,

ведь это государственная тайна,
и даже выше. Вот и разумеи,
какую нам загадку загадали:
во-первых, чтоб подальше от царей,
а во-вторых, чтоб люди не видали.

16

Он подавление бунта прогулял
на императорском императиве,
о чём и сообщает формуляр
инфолио в Лефортовском архиве,
530 привёз из Таганрога без потерь
прах августейший, – бац! – и новый случай:
по справочнику Аллера проверь –
не отыскать кандидатуры лучшей
в могильщики!..

Но что там из прорех
пробьёт поверх эпитетов нелестных?
О как легко судить сегодня тех
истории статистов бессловесных...
Да в том же формуляре посмотри:
540 ну что с того, что вышел адъютантом?
Вот ордена – их даже целых три:
две Анны, а ещё Владимир с бантом –
все боевые. И зрачком в упор –
медаль за Лейпциг. Что такое знаем
про этих? Гонаропуло Егор
на ратном поле не был негодяем.
Где факел истины? Где кислый торф
навета? Всё перепроверить надо.
А это кто? А это Бенкендорф
550 на фоне партизанского отряда.
А это?.. Это Лунин, это наш...
Поосторожней, он чужих не любит.

А этот байронический типаж?..
Как кто? Его дружок Леонтий Дубельт.
Вернёмся. Что теснилось в голове?
Что жгло в груди? Что вообще известно?
Не он, так кто рылеевской вдове
открыл, где это проклятое место?
Ведь знала же... Не этот ли Егор,
560 смотрящий вечности в земной юдоли,
здесь поновлял некрашенный забор,
и тот прохожий не через него ли
открыл, что здесь, да, здесь скакун достал-
таки Евгения копытом...
Скала на займище, а проще – вал,
подмытая руина на открытом
(здесь частное владенье) островке
(150 на 300) – это летом,
570 когда футштокский уровень в реке,
и посуху пройдёшь... По эполетам
о доблести не судят. Аксельбант –
не аргумент. Споткнёшься, обнаружив, –
ещё драгун и тоже адъютант
не без таланта – Александр Бестужев.
Соратники!.. Ах, Сашенька, прочти
мне из Рылеева. Ты будешь в бане?
Я с вами!.. Где расходятся пути?
Ищи на плане Шуберта в спецхране.
Тот Шуберт – он дотошный немчур,
580 не зря ж дразнили перцем и сосиской
ещё в кадетках... Вас открыть пора,
о Моцарт картографии российской.
Как цепко надо родину любить,
чтоб так запомнить все её извивы...
А если с Пушкиным соединить?
Итак – забор некрашенный, две ивы.

Что стоит поиск? Если не найдёшь
утрату романтических иллюзий –
любой из результатов нехорош:
590 вступая в жизнь, изволь ползти на пузе.
Смирив гордыню, к истине ползи
из тех пелёнок байковых. Вот веник,
вот стул, вот стол... Не то в такой грязи
измажешься... А если в смысле денег –
на поиски три тысячи рублей
по безналичке, тот оброк, который,
не знаю, по которой из статей
внесён одной промышленной конторой.
Военные топографы – они
600 лизали крыши лазерным прибором
и привязались после всей возни
по питерским церквям да по соборам.
Потом ещё бурильщики... Потом...
Мы начали, но мы не завершили –
что значит поиск? Металлист в пальто
навыворот и взрослые большие
серьёзные мужи – да как же их
не помянуть во здравие? Такие
все разные – начальник очистных
610 с «Марксиста», и художник, и другие...
Читатель потеряет интерес
к перечисленью – экая плетёнка! –
историк, журналист и экстрасенс
и даже два советских негритёнка.
Ещё ИРЛИ, а также ВСЕГЕИ,
и трест ГРИИ, что в доме Бенкендорфа,
и крепость Петропавловская, и...
а что нашли? Да так, – немного торфа.

Неужто же и жизнь не удалась?
 Вот так вот и сойдём промеж устоев.
 620 И только в школе волновали нас
 предсмертные речения героев.
 Когда взалкал поверженный атлант,
 о юность, как за ним не повторишь ты:
 опричник, дай свой подлый аксельбант,
 не то тебе придётся вешать трижды!
 Как здорово про этот аксельбант,
 как вовремя!.. Лет эдак через десять
 и мы в сердцах цедили вариант:
 630 Россия! Не умеют и повесить...
 У романтизма слишком яркий цвет,
 да натурально ягодки большие:
 на площадях 70-х лет
 не вешали, но как ещё душили.
 Где брать героев, ведь герой – скала,
 а человек не камень – протоплазма...
 А там и скука села у стола,
 надутая сестра энтузиазма.
 Смущённую душою подытожь:
 640 увы... И только жёны – декабристки.
 И правду не в учебнике прочтёшь,
 в одной биографической записке:

Когда они упали, я стоял
 шагах в пятнадцати от эшафота
 и подошёл. Один из них лежал,
 а он сидел, согнувшись в яме, кто-то
 стонал. Торчал проломленный помост...
 Тут фельдшера позвали на подмогу...
 Он попытался выпрямиться в рост,
 650 но подвернул ушибленную ногу,
 сел боком на бревно. Сочилась кровь

из ссадины за левою щекою,
ещё не приказали вешать вновь,
он поднял взгляд и произнёс: какое
несчастье... Говорил ли кто-нибудь
ещё о чём-нибудь – того не знаю.
Тут вообще пошла такая жуть...
И спешка... Ну а мы стояли с краю.

19

Что значит истина? Вопрос пустой.
660 Он промолчит: спроси своих Сократов,
когда она стоит перед тобой,
чела не опустив и глаз не спрятав.
Так что есть истина? Вопрос простой.
Он улыбнётся: это взгляд шекспиров.
И всё?.. Ну да. Но в рукописи той,
откуда мы и выбрали эпиграф
для долгой нашей повести – пока
идёт сама, пойдём ли на попятный? –
так вот, в тетради есть одна строка...
670 найдём её – лист 95-й,
дубль два... а самый главный пушкинист –
всё тот же Дубельт, быть неблагодарным
как можно?.. Здесь и самый чистый лист
пронумерован вдумчивым жандармом...
Находим... Длятся ночи декабря...
Что тут прибавишь?.. Вымарал. (Однако
весь этот стих покоится не зря
на всплеске восклицательного знака!)
В опальной хижине... И вновь обрыв –
680 версификационный визг форсунок
и вдруг: обломок дерева, обрыв –
ничем не примечательный рисунок...
А вот ещё, на целый разворот,
где виселиц гунявый подголосок...

690 Но стоп. Не то и вправду разорвёт
повествование избыток сносок.
Грядёт за юбилеем – юбилей,
но тошно так – так тошно и кромешно
в эпоху масскультурных алтарей,
ну в том числе и пушкинских, конечно.
И не спасёт настольной лампы свет
от тьмы в её кишени неустанном,
когда газета на излёте лет
гагаринских придёт с Афганистаном,
и вспучится, как сукровица, квас
коричневый... Что это там погасло?
Чур, чур! Да был ли мальчик? Здесь у нас
Ещё с 30-х Пушкин вместо масла.

20

700 О чём ещё? Да мало ли чего
в архиве не полезет из-под спуда.
Вот николаевский регламент «О
пехотной амуниции». Покуда
мы дела ждём, чего ж не посмотреть?
В день самой первой годовщины бунта
предписано полкам гвардейским – впредь
ношенье сабель... Ерунда как будто...
Words, words, words – swords.
Зачем нам swords? Итак,
ещё не введена казачья плётка,
710 но вместо чести и дуэльных шпаг
на брюхе полицейская селёдка.
Ещё? О тех зачёркиваниях
фигурных... с удивлением отметим –
подмигивают на черновиках
в 27-м году, и в 33-м.
Обыкновенный ромб – бубновый туз,
в нём слово, и штриховка как-то сбоку...

Забавный, но простительный конфуз
гусиного пера – и что в нём проку?..
720 А поутру приходишь на раскоп,
торчишь над ямой... Это ж ямы!.. Помнит
о той могиле, и не спятить чтоб,
зачёркивает слово – и хоронит.
...Теперь по всей Смоленке эти рвы.
Мы жили близко. В стужу в 41-м
забрёл сюда отец. Во рвах мертвы
лежали ленинградцы... Кто-то в сером
снегу привстал... Такое увидеть
мальчишкою... Он бросился к сапёру:
730 там люди!.. А и вправду исполать
тому, кому и это будет впору.

ЭПИЛОГ

– А я скажу вам: над Россией – рок,
и если так дела пойдут и дальше...
Так вот, мы коротали вечерок
у В., у хлебосольной генеральши.
Рояль, шарады, шутки, лёгкий флирт –
кружили, счастью своему не веря...
В окне душистый лавр и пряный мирт.
(Не тайная – простецкая вечеря.)
740 Ведь прямо из окопов. Повезло.
Тут жить да жить, а не курками клацать...
Тринадцатое – чёртово! – число,
и приглашённых (вышло так) тринадцать.
Был Пушкин (Лев Сергеич), Трубецкой...
Ну, словом, от майора до поэта.
И вдруг такой повеяло тоской,
когда Мишель заговорил про это:
«Пятнадцать лет, а кажется, вчера...»
Сказал и встал, и стал ещё бледнее:
750 «За убиенных Павла и Петра,

Кондрата, Михаила и Сергея!..
Мартыш, а ты не выпьешь?» «Я не пью
за эту сволочь». Музыка увяла,
и время растянулось, как в бою.
«А этого тебе не будет мало!?!..»
Девицы в обморок. Мартынов за кинжал.
А тот насмешливо: «Ты стал большим черкесом!»
«Я сделаю, Мишель, чтоб ты молчал!»
...Он посмотрел впервые с интересом
760 (вот, как сейчас, я вижу их двоих
и этот взгляд сквозь сумрак омертвелый)
и поклонился, и промолвил стих
евангельский: «Что делаешь, то делай
скорее...»
1987–2017

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ОСТРОВУ

1 — поверх пушкинских рисунков с пейзажами декабристской могилы в тетради ПД 836 (лето 1827 г.) — черновик стихов о том, как в борделе гуляют после работы палачи, а рядом в той же тетради рецепт от гонореи. Непонимание пушкинского шифра обернулось вульгарной академической сплетней.

29 — литорея — старинная система шифровки.

43 — Кира Викторовна — знаменитая в брежневской Москве дама из книжного спецраспределителя Союза писателей на Кузнецком мосту.

50 — французская запись «14 июля 1826 Гонар<опуло>» сделана в тетради ПД 833 крайне разбавленными (по сути симпатически) чернилами, а может быть, и просто чаем.

71 — см. «Воспоминания М. А. Гунаропуло» (Русская старина. 1917. № 3. С. 360).

118 — автор запамятовал. На самом деле речь должна идти о «Санкт-Петербургских ведомостях».

204 — письмо к С. А. Соболевскому написано утром 15 июля 1827 г.

234 — сравни в белой рукописи «Медного всадника»: «Тогда на площади Петровой, / Где дом близ церкви вечно новой...» По цензурным соображениям последний стих Пушкину пришлось

заменить на околорафоманское «Где дом в углу вознёсся новый». Увы, до сих пор так и публикуем.

285 — Аквилон — северный ветер. После полуденного шторма и грозы 15 июля погоды в то лето закончились.

325 — всенародная инсценировка — выражение из записной книжки Андрея Платонова (середина 1930-х годов). Николай I сам расписывал обряд казни (13 июля 1826 г.) и церемонию «очищения» Сенатской площади (14 июля 1826 г.). Некоторые подробности церемонии мы заимствовали из приказа Дибича.

352 — дощечки с именами казнённых на виселице в последний момент были заменены кожаными нагрудниками с надписью «Цареубийца».

440 — сравни с мемуарами начальника охраны: «Полиция отдала распоряжение не отдавать трупов родственникам. Публичные похороны не были разрешены. В полной тайне, ночью, убитые были преданы погребенью». Это не о 14 июля 1826 года. Это о 9 января 1905 г. (*Герасимов А. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 27–28*). Этих несчастных, как декабристов и народовольцев, погребли также на Голодае.

442 — пушкинская характеристика мужа Ольги Лариной, в которой звучит анаграмма «Николай»: «уЛАН, своей невольНИК ДОЛи» (подмечено психологом Владимиром Слущким).

444 — имеется в виду дуэль члена Северного тайного общества подпоручика Константина Чернова и флигель-адъютанта Владимира Новосильцева.

459 — ахматовская догадка, воплощённая в её статье «Пушкин и Невское взморье», связана с поисками могилы Николая Гумилёва, предпринятыми Ахматовой в начале 20-х. По бытовавшей в Петербурге версии, расстрелянных хоронили на Голодае. Позже Ахматова узнала, что тело Гумилёва предано земле в Бернгардовке.

513 — Карл Фёдорович Дершау — полковник, василеостровский полицмейстер, которому обер-полицмейстер Княжнин перепоручил хоронить казнённых.

544 — поэтическая вольность: Е. А. Гунаропуло отличился в сражении под Дрезденом.

569 — кронштадтский футшток — нулевая отметка уровня Мирового океана, специальный прибор, установленный в Кронштадте Петром I. От уровня кронштадтского футштока и сегодня отсчитываются все высоты России.

578 — на Голодае генерал-майор Фёдор Шуберт работал как раз в 1826–1827 гг. Именно план Шуберта, на основе которого сделаны и современные точные планы Петербурга, позволил с точностью до 1 м определить место декабристской могилы и обнаружить её.

615–616 — ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), Всесоюзный институт геологических исследований, Ленинградский трест геодезических работ и инженерных изысканий.

642 — см. заметку «Со слов присутствующего по службе при казни» в ПСС К. Ф. Рылеева (М., 1907. Т. 2. С. 19).

699 — «...во всех Гвардейских пехотных полках вместо шпаг, ныне употребляемых, носить пехотные сабли». (Приказ по гвардии от 12 декабря 1826 г.) Этим приказом Николай I искоренил шпагу как символ дворянской чести.

712 — ранее эти графические знаки никак не объяснялись исследователями.

724 — речка Смоленка, отделяющая Голодай от Васильевского, до XX века звалась Чёрной. В блокаду рвы для братских захоронений умерших от голода прокладывались серией взрывов. Позже значительная часть этих могил была застроена жилыми домами.

732 — ссора Лермонтова и Мартынова произошла в доме у генеральши Верзилиной 13 июля 1841 года, в пятнадцатую годовщину казни декабристов.

Подробнее см. в моей книжке «Длятся ночи декабря» (СПб.; Москва, 2007). Она есть в интернете.

ЗАСТЁЖКА

эта сессия истекла
эта сессия из стекла
а стекло как известно – жидкость
отштормила (полстрочки точек)
оттрепала (ряд точек) смогла
да в три месяца – сорвала
(многоточие) оболочек
(и ещё отточие) – ах
(точкой) – ежели
в трёх словах:
еже писах
писах

В КНИГЕ

I

– Мама, мама, отчего...	7
Гроздьями чёрной февральской рябины...	8
Там, где лошадьё движет телега...	9
О тех, кто отпевал Четвёртый Рим...	10
БРОДВЕЙ «АВДЕЕВКА»	11
ИЗ ШЕКСПИРА. ДВА СОНЕТА	
66	12
145	13
МАЙ 2015	14
КАК В 83-м	15
В АЛЬБОМ НИНЕ ПОПОВОЙ	16
CASUS BELLI	17
Младшей моей дочери было три...	18
Где над расплывшейся империей...	19
МАМА, УХОДЯ	20
ЛЕСТВИЦА ДОЖДЯ	21
СИДЕЛКА	22
К ВОПРОСУ О ЩИТЕ ВЕЩЕГО ОЛЕГА	23
КРАСНОЕ И БЕЛОЕ	24
ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ	25
ПАРИЖСКАЯ ЭЛЕГИЯ	26
БАБЬЕ ЛЕТО-99	30
МИНИМАЛИЗМ ПО-РУССКИ	31
ПАЛАТИН, ПЕРВЫЙ ИЗ РИМСКИХ ХОЛМОВ	32
Что за причуда холопья...	34
ИПАТЬЕВСКАЯ ПОВЕСТЬ	35
ДРУЗЬЯ МОЕГО ОТЦА	38
БАЛЛАДА О ХРУСТАЛЬНЫХ ПОДВЕСКАХ	40
ОПАСНЫЕ ВОПРОСЫ	43
РАРИТЕТЫ ЕРМОЛИНСКОГО	45
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГАВАНЬ	47
ЛЕНТА МЁБИУСА	48
БАЛЛАДА О ДЯДЬКЕ-ЧЕРНОМОРЕ...	49
КАРАМОРА	52
Я дал зарок, и потому не мог...	54
СТАНИСЛАВ ЕВГРАФОВИЧ ПЕТРОВ...	55
МИРОЖСКИЙ СОБОР. КОНЕЦ 70-х	56
ТАЙНИЧНАЯ БАШНЯ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ	57

ПАЛИНДРОМАНИЯ	59
ФИЛОСОФ ПАКЛИХИН	60
ПОХОРОНЫ-82	61
ВЕНЧИЩЕ (былина)	62
НА СЕДЬМОМ ДЕСЯТКЕ	64
МАКСИМА ГЕРМАНА	65
МУЗЫКА СПРЯТАЛАСЬ	66
Торф горит за ближайшим селом...	67
И снова батальные эти картины...	68
ПАСТУШЬЯ БАРАБАНКА	69
ТАРУССКИЕ СТРАНИЦЫ	70
ПИСЬМО В ХАРЬКОВ	71
ЕЛЕНА ГОЛЫШЕВА, ПЕРЕВОДЧИК ПРОЗЫ...	72
СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА	73
НЕ В КАЧЕСТВЕ СОВЕТА	74
ВЫБОР	75
ГЛОТТОХРОНОЛОГИЯ	76
ТРУБНАЯ ПЛОЩАДЬ. 6 МАРТА 1953	77
КУЗЬКИНА МАТЬ	79
МЛАДЕНЧЕСТВО. ЛЕЖУ В КОЛЯСКЕ	81
ВБ	82
ГЕНИЙ МЕСТА	83
Держись за веточку, держись...	84
НИКОЛАЙ ФЁДОРОВ	85
ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ	86
ПЕРЫНЬ	87
КАРАОКЕ	88
ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА	89
НИНА, ЖЕНА ЗАВЕНА	90
ДИСКОБОЛ	91
ЛИХАЧЁВ. ЛЕТО 1997	92
ЭФФЕКТ БАБОЧКИ...	93
РИСУНОК БАБОЧКИ	94
ТРИДЦАТНИК. НАЧАЛО 80-Х	95
РЫБНЫЙ ДЕНЬ В ВОСЬМИДЕСЯТОМ	96
МАРИЯ БАРАНОВСКАЯ	97
БУРЖУЙСКАЯ КВАРТИРА	99
ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ	101
ПОСЛЕ БОЛЬНИЦЫ	102
НЕПРОЧИТАННАЯ ЛЕКЦИЯ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ	103
ПЕРЕД РАССВЕТОМ	104
Ангелы не знают, чем закончится...	105

ПРАВИЛО СЛАБОЙ СТРОКИ	106
С УКРАИНСКОГО	
I. Над срубом монастырского колодца...	107
II. Фанерных журавлей не окликает вырий...	107
НА ГОРЕ ПАРНАС	108
ВОЗВРАЩЕНИЕ КОБЕНКОВА	
I. Рóкошник, крамольник, балагур...	109
II. Знали бы раньше – выпили б на посошок...	109
ЛИНИЯ ЖИЗНИ	110
ЗАГОВОР МЁРТВЫХ	111
6 ДЕКАБРЯ 1878	112
Что не спето – то и не успето...	113
ИЗ НИКОЛОЗА БАРАТАШВИЛИ	114
МОЛИТВА АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО	115
ОРЕДЕЖЬ	116
ТРИ ДНЯ БЕЗ МИШИ УСПЕНСКОГО	117
ИЗ «ГАМЛЕТА». МОЛИТВА КЛАВДИЯ	118
ПРИЗНАНИЕ ТАТЬЯНЫ	120
ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	121
ГАДАНИЕ НА ПУШКИНЕ	122
Многолюдной палаты пустая надсада...	123
ПОСЛЕ ШЕСТИДЕСЯТИ	
I. Не верю орхидеям и бегониям...	124
II. В пейзаже городском ли, деревенском...	124
ОТЯСЕНЬ	125
ГАМБУРГСКИЙ СЧЁТ	126
МАГНИТОФОН «ЯУЗА». 1969	128
СЕВЕРНАЯ ПЕСЕНКА	129
ГРОССМЕЙСТЕР	130
ИВАН-ДА-МАРЬЯ	131
ВЕЧЕРА С АЛЕКСАНДРОМ ВОЛОДИНЫМ	132
ЧАЙ С ТОНИКОМ...	133
Всё зависит от порога боли...	135
В ОБЫДЕНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ	136
ТРИ СЕСТРЫ	137
И жили без особенных забот...	138
От черёмухи до сирени...	139
БАЛЛАДА ОКОВСКОГО ЛЕСА	140
Бессловесные души собак и котов...	142
МЕТРОВКА	143
ПРОГУЛКИ С СИНЯВСКИМ	144
ВАНЬКА-МОКРЫЙ	145

РОЖДЕСТВЕНО	146
ЦВЕТОЧНЫЙ ХЛЕБ	147
ПЕКАРЬ АРСЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ОСИПОВ	149
6 ФЕВРАЛЯ	150
ГЛЕБ НОВГОРОДСКИЙ. ЛЕТО 6579	151
ХРАМ ХРИСТА НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА	154
ДИСПУТ	155
ЖЕТОНЧИК МЕТРО	156
ДОРОГА ВО ВЩИЖ	157
МИЛЛЕНИАРЫ	158
Рычащее «Не тронь вина, Гертруда!..»	159
MON PORTRAIT	160
АФАНАСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ	162
ПАМЯТИ ЗАВЕНА	163
ГЛУХАЯ ИСПОВЕДЬ	164
На траверзе нежданной беды...	165
КАЗУС САМОЙЛОВА	166
ПТИЧКУ ЖАЛКО	167
Лётчики стихов не сочиняли...	168
РАБЫ НА ГАЛЕРЕЕ	169
Иной народ – иная даль...	170
Се Праматерь русских городов...	171
Где не знаешь, – неведомо где...	172
Выходил куда-то. Лет на тридцать...	173
Нелеп, как пароход среди перронов...	174
Вместе – ты да я, да мы с тобою...	175
БЕЗОБЛАЧНОЕ НЕБО	176
ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ	177
Для кого-то – дело частное...	178
Ты прохожий, ты несовершенный...	178
P. S.	179

II

КРАСНАЯ ГОРКА	183
БЕЛАЯ ПОЭМА	189
ОСТРОВ НА ПРИБРЕЖЬИ	193
ЗАСТЁЖКА	219

Андрей Юрьевич Чернов

ЧЕЛОВЕК ИМПЕРИИ

Стихи и проза в стихах

Вёрстка и оформление

Наталии Введенской

Корректоры

Дарья Ефимова, Наталья Солнцева

Подписано к печати 4.04.2017

Формат 60×84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура Calibri

Тираж 500 экз.

ООО «Вита Нова»

198097, Санкт-Петербург, Огородный пер., д. 23

Тел./факс: (812) 747-26-35, тел.: (812) 747-26-41,

(812) 785-28-71 (редакция), (495) 774-55-95 (филиал в Москве)

Электронная почта: spb@vitanova.ru

Сайт издательства: www.vitanova.ru

Отпечатано в типографии «Любавич»

ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»

Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9, тел.: (812) 603-25-25

Связаться с автором: trezin@yandex.ru

Электронный журнал: www.nestoriana.wordpress.com

ISBN 978-5-93898-620-6

9 785938 986206

ЛЮДИ СТРАСТНОЙ СУББОТЫ

О. Х.

Ангел облачком прикинется
Там, в краю покоя млечного,
Вечность – вроде как гостиница
В ожидании Предвечного.

Привыкай к отмене времени
Хоть в Париже, хоть в Твери –
В тесноте кастальской темени
На мгновение замри.

Здесь, как в детстве, встретят ласкою
И тебя, пришлец безбашенный.
Пахнет куличом и пасхою
Скорлупою пахнет крашеной.

А в лазури, или в сурике
(Не вверху и не внизу),
В том же самом детском «Чурики –
Значит ноги на весу».

Выше спилей, круче башен
Всё, что ты увидишь тут.
И совсем не так уж страшен
Этот самый Страшный Суд.

15–17 апреля 2017

ДОЧКЕ КАТЕ В ДЕНЬ АИСТА

Дом 23 по улице Свободы
В зелёном нашем тушинском раю.
Палатка – то ли «Соки», то ли «Воды».
Я то ли соки, то ли воды пью,

И вышло так, что не сумел слукавить
(Мне было шесть. А, может, даже пять),
Когда спросили: – Ты умеешь плавать?
– Нет, но когда-то я умел летать.

19 апреля 2017

